

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина
НАРОД, КОТОРОГО НЕТ.

В этом году Россия отметит юбилей реанимации. 20 лет она ни жива, ни мертва, а её состояние стабильно тяжёлое. Оппозиция борется не с властью, а за место во власти, народ разобщён, зато «элита» сжалась в кулак, установив в стране олигархический фашизм. В «верхах» один за всех – и все против народа.

А в «низах» – все против всех?

Соотечественники живут сериалами, а борются – с перхотью. Большого и не нужно! Идеологию сменила биология, общество потребления плодит самоуверенных недоучек, бездушных трудоголиков и невротичных потребителей с кошельком вместо сердца. Акции протеста собирают сотни активистов, а концерты поп-звёзд – многотысячные стадионы. Вымирать – так с музыкой!

Страна расколота на обывателей и обувателей. Обратни в рясах призывают к смирению, так что в России глас народа – молчание ягнят. Кремль, как на трёх китах, стоит на дебилизации, бешеной пропаганде и разобщённости народа. Столичная PR-компания решила на опрос «Поддерживаете ли Вы власть?», и в офис тут же явились сотрудники ФСБ, посоветовавшие не лезть в политику. Старый фокус с шарами: на столе два чёрных и один белый. Когда «подсадные утки» говорят, что на столе три белых шара, жертва эксперимента повторяет их ложь, хотя видит на столе два чёрных и один белый шар. Наверное, даже татаро-монголы были популярнее нынешних управленцев, но кругом твердят о высоких рейтингах власти, и обыватели, как замороженные, повторяют: «Ничего, что тяжело, главное – стабильно».

Россия, которую мы видим по ТВ, – это виртуальная страна, которой нет на карте. Кремлёвские сценаристы и имиджмейкеры трудятся в поте лица: политика давно свелась к ток-шоу, а президентские полномочия – к лицедейству. Повторяя чудо умножения хлебов, российская власть кормит народ «завтраками».

И ведь насыщает!

Власть заговаривает народ, как больные зубы, суля модернизацию, инновацию и научный прорыв. При этом процветают только астрология и нумерология, а «Сколково» распилили так, что его пора переименовывать в «Осколково». Бешеные деньги вкладываются в экстрасенсорные военные исследования, в «прокачку» энергии и зарядку воды с помощью гипноза. Может, все беды России от того, что она лежит не по фэн-шую?

СМИ то одевают нам «розовые» очки, то набрасывают петлю на шею, перемешивая глянцевые сплетни с «чернухой» и фальсифицируя историю. Нам внушают, что СССР – страна лагерей и очередей, а в России каждая кухарка может стать женой олигарха. Роскошно изданная «Чёрная книга коммунизма» есть в каждой библиотеке. Расстрелянные, замученные в застенках, высланные, переселённые, погибшие в войнах и революциях – бессмысленные жертвы? Бессмысленными их сделал 91-й год, когда распалась страна, во имя которой они погибали!

Семью моего деда раскулачили, сослав за Полярный круг. Дед получил высшее образование, квартиру, достойную должность. Лучше бы держал свиней? Неужели индустриализация страшнее дебилизации, а диктатура пролетариата – власти криминалитета? Почему экспроприация, когда всё стало общим, страшнее приватизации, когда богатства страны рассовала по карманам горстка избранных?

И не пора ли писать «Чёрную книгу нефеодализма», превратившего Россию в лагерь смерти:

«С детства имел способности к математике. Мечтал стать учёным. Денег на поступление не было, забрали в армию. Работает охранником в магазине дамского белья».

«Мечтала стать певицей, приехала покорять Москву. Через несколько лет мечта сбылась: закончив карьеру проститутки, поёт в переходах».

«Раньше других детей заговорил, сделал первые шаги, взял в руки букварь. Раньше всех попробовал водку и перешёл на наркотики. Раньше всех умер».

«Шёл по улице нетрезвым. Забрали в милицию, забили до смерти».

«Шёл по улице трезвым. Встретил нетрезвую компанию. Забили до смерти».

«После курса менеджеров пошёл в гору. Каждый год – повышение и отпуск на курорте, жена, машина, дети, ипотека, кредиты, транквилизаторы. Жизнь удалась, но быстро закончилась: на пятом десятке от сердечного приступа».

Сотни тысяч политзаключённых не стоили счастья миллионов? Тогда почему миллионы изломанных судеб стоят благополучия Рублёвки?

Апокалипсис – сегодня! Жизнь без воды, электричества и медицинской помощи – если не конец света, то уж точно приговор государству. Или Россия – это 101 долларовой миллиардер плюс деэлектрификация всей страны?

Словно в благополучной Европе, у оппозиции нет повода выйти на улицу, кроме как заступиться за деревья. Каждый день в России пропадает без вести 200–300 человек. Их убивают? Продают на органы? Угоняют в рабство? Им не посвящают песен, в их память не проводят митинги, и ни один рок-музыкант не поинтересовался у премьера, кто вырубает население страны, словно Химкинский лес?

Избитый журналист стал героем новостей, собрав толпы защитников. А провинциальный учитель остаётся один на один с копеечной зарплатой и модернизацией образовательной системы, закрывающей единственную школу в посёлке. Но «четвёртая» власть, как и кремлёвская – вещь в себе: пишет про себя или для себя. В глубинке зарплаты меньше, чем гонорар Кашина за статью, но, похоже, один битый стоит миллионов забитых.

Опального олигарха жалеют больше бомжей, которых такие, как Ходорковский, пустили по миру. Интеллигентный, умный, образованный? И среди бродяг встречаются доктора наук, полиглоты, ценители искусства: в Петербурге каждый десятый бездомный – с высшим образованием! Но сегодня бедность – главный порок, и даже церковники брезгуют мыть ноги нищим.

Индустрия новостей тиражирует «звёздные» сплетни и, придавая им всероссийскую значимость, прививает зависть к тем, кто наверху. И ненависть к ближним. Людям свойственно персонифицировать зло, а отсутствие воображения не позволяет искать виновных дальше вытянутой руки. Divide et impera: нам внушают, что корень всех бед – в приезжих торговцах овощами, а не торговцах ресурсами страны, превратившими в овощи собственный народ. Поэтому избивают нищих гастарбайтеров, а не чиновников, торгующих гражданством, словно билетами в кино. Милиция вымогает деньги у нелегалов, а не работодателей, за гроши нанимающих азиатов вместо соотечественников.

«Закрывайте дверь, патамушта холодна» – такими объявлениями пестрит столица, повсюду слышится чужая речь и восточная музыка. Приезжие не ассимилируются? Не учат язык? В России английский де-факто стал вторым государственным, а современный русский набит англицизмами, феней и матом, словно чучело опилками. Без знания английского языка не возьмут даже продавцом в супермаркет, в школах уроки родной речи почти факультативные, а майка «Russia» – высшее проявление патриотизма. Может, права инородцы, не почитающие культуру, которую не почитает собственный народ? И зачем учить язык, который, как латынь, скоро станет мёртвым?

Рекламой борделей пестрят центральные газеты, «подпольные» казино и притоны работают на каждом углу, а сходки криминальных авторитетов анонсируются по телеканалам, словно встречи на высшем уровне. Зато протестные движения объявляются главной угрозой страны.

«Убийцы в белых халатах» лечат скальпелем и бадами: за рекламу пищевых добавок им платят фармацевтические компании, за операции идёт прибавка к зарплате, поэтому больных потрошат, как куриц, отправляя на хирургический конвейер. В 90-е, когда медики выходили на улицы, никто их не поддержал, ведь человеческие отношения свелись к рыночным: «Помоги себе сам!» А теперь «Лечи себя сам!» написано на лицах врачей. И мы достойны медицины, которую получили.

И сегодня выставки товаров в Манеже собирают больше зевак, чем акции на Манежной площади. И сегодня никто не выходит на улицу, чтобы заявить: на

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
пенсию в 3500 рублей нельзя прожить! Никто не пишет на стене городской администрации, что стыдно пухнуть от обжорства, когда народ умирает от голода. Никто не заступится за сирот, живущих в приютах, словно на зоне, за побирающихся старух, за учёных, которые сменили НИИ на офисы, чтобы прокормить семью. Каждый прячется, словно улитка, в своём домике, утешаясь, что другим ещё хуже. А тем, кто осмеливается на критику, тут же вешается ярлык «предателя». И вешают не «верхи» – а окружающие!

Наших правителей, словно задержавшихся в развитии подростков, интересуют только развлечения. Временщики, от которых в истории не останется ни строчки, они лишены государственных амбиций и превратили интересы страны – в семейные. «Полей у нас много – приходите и играйте в футбол». А сколько россиян доживёт до Чемпионата мира 2018?

Футбольная поговорка гласит: «Не забиваешь ты, забивают тебе». И сегодня она взывает к обобщению: «Когда право обращается бесправием, сопротивление становится долгом!»

ОПЫТЫ ГОРЬКОГО ОПЫТА

ОПЯТЬ АНДЕГРАУНД?

Если тоталитарная идеология загоняла мыслящую часть населения на кухни, сводя неофициальное искусство к тому, чтобы крутить кукиш в кармане, то демократическая пропаганда мягких ценностей превратила искусство в масскульт, а литературу в бестселлероманию. Нам подают, что это естественное движение, закономерный этап прогресса, неизбежный, хотим мы того или нет. Но, думается, это не так. Дворня всегда берёт пример с хозяина, который становится законодателем мод. Интеллект нации проявляется в науке, душа – в искусстве. У американцев налицо первая и отсутствие второго. Если так пойдёт и дальше, если смыслом для всех станет «деланье» денег, то на земле не останется людей – одни американцы, а за культурным досугом плотно закрепятся чипсы у телевизора. Масскульт был всегда? Но он знал своё место и не был таким агрессивным. У исполнителей популярных песен были многочисленные поклонники, но не была привита национальная американская игра сотворения идолов, шоу не было бизнесом, а культура «звёзд» не развернулась в индустрию. Слава сменилась популярностью, которую легко создают СМИ, а, стало быть, «гонкой за телевизором». В интеллектуальных кругах становится модным не смотреть телевизор. Но тогда зачем он нужен? Чтобы внедрять в массовое сознание рекламу?

ИСКУССТВО ПРАВИТЬ ИЛИ НАУКА УПРАВЛЯТЬ?

Водопады пустой информации, дешёвых сенсаций и журналистских уток также успешны, как и глухое замалчивание. Крупицы истины надёжно спрятаны в куче хлама – это лучше, чем в тёмном подвале, о котором все знают. В отличие от сталинской эпохи, электронные технологии позволяют обойтись и без ГУЛАГа. Современным властям относятся к стране, как модераторы к сайту, на котором любого можно «заблокировать» – лишить слова, сделать его голос гласом вопиющего в пустыне. А точнее – в постоянно кричащей толпе.

Вещи уже давно перестали называть своими именами. И не только власти, пропаганда и ложь для которых – хлеб. Но этот язык политиков сегодня усвоили поголовно все – менеджеры, писатели, юристы, врачи. Штатпы, продиктованные телевизором, впитывают с материнским молоком, они входят в плоть и кровь, не давая задумываться. Парадоксально, но СМИ и Интернет научили обходиться крохами познаний, совершенно не ощущая собственного невежества. Это ли не оруэлловский новояз? 1984 год длится уже десятилетия, и конца ему не видно. Примеры, дезавуирующие правду, встречаются на каждом шагу. Если в классовом обществе Средневековья феодал открыто заявлял сервам, что кормит их, то для бизнесмена изобретён эвфемизм – «я обеспечиваю рабочие места». И совесть спокойна! Двоемыслие – дух нашего времени. Свойственен ли он демократическому устройству? Или это традиционное наследие англосаксов? Я склоняюсь к первому. Люди, поставленные в заданные условия, ведут себя одинаково, среда определяет поведенческие стереотипы. Так пресс тоталитаризма сближал низы, грубая пропаганда отталкивала от декларируемых лозунгов, по-своему романтически прекрасных, теперь же повсюду торжествуют разобщённость и безразличие. Это атомизированное общество всецело управляется СМИ, так что кажется, будто оно их придаток, приложение, главное назначение которого быть зрительской аудиторией и электоратом. Но отделение правящей элиты от плебейской массы,

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
для которой предназначены «хлеб и зрелища», плохо кончается и для «верхов»
– без подпитки снизу они быстро вырождаются.

Когда выдыхается идея, на помощь приходят слова?

ПОТРЕБЛЕНИЕ – ДВИЖИТЕЛЬ ПРОГРЕССА?

Если в СССР со школьной скамьи прививалось уважение к ближнему, то в современной России – к чужому забору. В священном праве частной собственности и сосредоточено центральное ядро общественной морали, регулирующей межличностные отношения. Но на мой взгляд, это гражданская война сменила окрас, став междоусобной войной каждого против каждого, в которой нет национальностей, нет идеологического противостояния, нет гражданской позиции. И нет победителей. Это война за место под солнцем, в которой гибнут не меньше, чем на войне настоящей. Кто подсчитал количество загубленных, поломанных жизней, смятых пошлостью трёхгрошовой грызни? Неизвестно, что хуже, что бессмысленнее, что бесчеловечнее и аморальнее.

Современные марлоки, третье поколение маркузеанского одномерного человека, как дети, – их чувства полностью подчинены СМИ. Скажут: «Это смешно!» – и они смеются; скажут: «Это грустно!» – и они плачут. То же относится и к морали: что такое хорошо и что такое плохо сегодня разъясняет телевизор. Таким образом, парадоксально, но у человека, активно потребляющего, своего – ничего. Духовная бедность не позволяет ему роскоши собственного мнения. В этом и есть счастье? Если тоталитаризм обрекает на жизнь с кляпом во рту, то демократия атрофирует сам орган внутреннего зрения, оставляя наблюдения с завязанными глазами, подсовывая вместо реальности ярко раскрашенную повязку.

И в России точно забыли про «возрожденческое» гармоническое воспитание личности, на которое ориентировались в советских школах. По примеру американцев теперь не одобряют широкого гуманитарного образования, предпочитая узкопрофессиональное, готовящее специалистов с флюсом.

Эпоху тоталитаризма сменила эпоха тотальной дебилизации?

СУД ИСТОРИИ КАК СУД НАД ИСТОРИЕЙ

Широкое поле для спекуляций открывается, когда прошлое судят с позиций настоящего, когда выносят приговор ушедшим поколениям. Беспощаден суд над родителями! К их времени подходят со своей меркой, своей моралью и реалиями. Сравнение оказывается всегда в пользу сегодняшнего дня, когда заседают присяжные. Мёртвые беззащитны и всегда проигрывают. Но нет ничего глупее, ничего позорнее и подлее, чем судить другие времена по своему! То, чем занимаются российские СМИ последние два десятилетия. И почему хроника первомайской демонстрации с лозунгами: «Мы строим коммунизм!» должна вызывать смех, а обнажённая девица на рекламном щите, предлагающая рецептом счастья пепси-колу, нет? Или дело в недостатке абстрактного мышления? В сползании к биологической простоте? В общественной биологизации? Отвлечённые символы сменились естественным началом, девяносто первый год – это разворот не от тоталитаризма к демократии, а от доктрины, предлагающей схватиться за небеса, к учению стоять обеими ногами на земле. В извечном противостоянии духа и плоти маятник качнулся в сторону последней. Коммунизм ближе к религии, либерализм – к прагматической философии. Но поколения устают гоняться за миражом, за синей птицей, их утомляет, разочаровывает стремление к недостижимому идеалу, им нужно «здесь и сейчас». Массам коммунистическая идея просто не по зубам, она требует духовной аскезы, воспитания стойков, служилых дворян или самураев. Миллионы не способны идти по этому пути добровольного самоотречения, это противно инстинктам, нашей дарвинистской сути. И даже античное «живи так, чтобы тебя вспомнили!» вульгарное эпикурейство эпохи консумации переделало в «живи так, чтобы было, что вспомнить!» Хотя коммунистическая идея в определённом смысле возвышеннее христианской. Последняя обещает Царство небесное (категорию не менее отвлечённую, чем коммунизм), но сулит его каждому, в индивидуальное пользование. В сущности, Церковь, как страховая компания, гарантирует жизнь за гробом. Мзда, которую выплачивают в виде исполнения заповедей, по-видимому, крайняя цена, на которую способен наш эгоизм, табуирующий жертвенность ради будущих поколений.

Сегодня СССР принято обвинять во всех грехах, мешать с грязью советский образ жизни. Но это так же смешно, как рассуждения варваров эпохи великого

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
переселения о бескультуре римской империи.

Впрочем, варвары были честнее.

Как воскликнул один человек, больше двадцати лет не бывший на родине: «Боже, что они сделали с народом!» Ему предоставили свободу? Но это свобода ветра на пепелище! Любой народ, как ребёнок, которого надо воспитывать, брошенный, он превращается в маугли.

НЕЗНАНИЕ – СИЛА?

Человек прошлых веков, ещё не охваченный мировой паутиной СМИ, отрезанный в медвежьем углу тысячу вёрст от других, обладал чувством своей повышенной значимости, ощущая себя если не центром мира, то своей деревни. Что в психологическом плане одно и то же. Лучше быть первым в Галлии. Разве это не сродни чувству собственного достоинства? На задворках цивилизации ковались цельные характеры, сильные личности. Там вырабатывалось гордое ощущение себя как личности. Сотни же телеканалов вместе с иллюзией сопричастности всему человечеству дают почувствовать почти физически собственную ничтожность. Обрушивающаяся информация, зачастую абсолютно ненужная, одурманивает, не давая сосредоточиться, обилие медийных лиц приводит к утрате своего. Вся мыслительная деятельность нашего современника сводится, как в учебном тесте, к выбору из суммы уже готовых, предлагаемых мнений. Вся его энергия сводится к тому, чтобы приспособиться, найти место в гигантской машине, встроив в неё винтиком своё «я», а все страхи сводятся к тому, чтобы из неё не выпасть. Пластая, трамбуя личность, унифицируя в серую, податливую массу, где главной добродетелью считается толерантность, а лучшим из качеств – конформизм, цивилизация плодит серых мышей, безвольных, не заглядывающих дальше кошелька и соседнего супермаркета. Видимо, научно-технический прогресс делает этот процесс необратимым, как и глобализацию, превращая человечество в миллиарды акакиев акакиевичей. Вместо ницшеанского «сверхчеловека» на сцену вышел «недочеловек» – потребитель, интересный лишь как экономическая единица, планктон, питающий чрево товарно-денежного левиафана.

И зачем такая цивилизация?

АНДЕГРАУНД ИЛИ ДЕГРАДАУНД?

Россия – культурная провинция. А США, Иран и Куба – нет. Провинциализм определяется не масштабами или могуществом страны, а неспособностью развивать своё, неумением проявить собственное оригинальное мировоззрение. Это состояние души, когда ослабленная воля позволяет лишь поклоняться столице, диктующей вкусы, выступающей законодательницей мод. Мы переняли экономический строй и политическую систему, называем главу государства президентом, а резиденцию правительства – Белым домом. Почему же культура должна быть исключением? Ещё Тойнби писал, что вместе с английской винтовкой афганский моджахед приобретает западные ценности. Как бонус или в нагрузку? Вместо противодействия культурной экспансии наша «элита» предпочитает добровольное погружение в провинциализм, примеряя кафтан первого парня на деревне. Примелькавшиеся на экране деятели искусств охотно соглашаются быть проводниками чужой эстетики, соревнуясь в культуртрегерстве, они довольствуются ролью второго в Галлии. Для этого не нужны таланты. Кроме одного – таланта обезьянничать. Преуспевание в нём сегодня не смущает, а, наоборот, ставится в заслугу, поощряется лавровыми венками, престижными премиями и призами «национальных» фестивалей. Вот только «столица» смотрит на это соответственно: как хозяин, выражающий радостное удивление у клетки с попугаем: «Надо же, ещё и говорит!» Наши фильмы об Отечественной войне сняты в стилистике американских боевиков, а сюжеты драм тиражируют американскую мечту на российской почве. Мы гордимся статусом культурной провинции, превращая в событие национального масштаба выдвижение очередной подражательной ленты на «Оскара». И при этом говорим о славянском возрождении! Псевдоискусство для псевдогосударства? Вытравление национальной культуры – это контрибуция за проигрыш холодной войны, нас приучают смиряться с выступающими под маской глобализации америкоцентризмом и тотальной голливудизацией. Но духовно близким может быть только национальный гений – в силу этнических особенностей и непередаваемых нюансов, на которых строится подлинное искусство. Чужое всегда отражается, как в кривом зеркале, выглядит искажённым. Передаются только контуры, грубые черты, а полутона и тонкости размыты. Впрочем, общество потребления, ориентированное на биологические потребности, не нуждается в глубоком

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
искусстве, а вполне довольствуется «фаст-артом», привыкая к схематичным героям, поверхностным отношениям и потоку банальностей, выражающему житейскую мудрость.

В позднюю советскую эпоху, несмотря на крепкий средний уровень официального искусства, который поддерживала профессиональная цензура (бывшая не только идеологической, но и эстетической), симпатии интеллигенции были на стороне андеграунда, ориентировавшегося на Запад. С приходом диктатуры масскульта и цензуры рынка, интеллигенцию поглотил средний класс, а бывший андеграунд занял главенствующее положение, превратившись из запретного плода в обязательный. Он принёс смерть изящной словесности, в живописи отрезал связи с наследием прошлого, отлучив краски и мольберт, которые заменил на синтетические материалы для инсталляций, вытеснил на обочину классическую музыку, навязав непритязательные мелодии американской культуры. Глобализация? Взаимопроникновение культур? Неизбежность чужого влияния? Но между влиянием и подавлением тонкая грань: где кончается первое и начинается второе? Неужели в стране Толстого и Достоевского трудно найти своего Куэлью или Дэна Брауна? А «поттеризация», прошедшая катком по детской литературе? Неужели фантазии англичанки богаче тысячелетней русской мифологии? Положение сырьевого придатка, которое занимает Россия последних десятилетий, вовсе не обязывает быть и придатком культурным. Перефразируя евангельское: оскверняет не что отдаёшь, а что принимаешь. И сегодня сказывается больше не наша экономическая отсталость, а традиционное низкопоклонство российской верхушки перед Западом – её англоманья и франкофилия.

В СССР, следуя традициям эпохи Возрождения, придерживались мнения, что вкус, в том числе и массовый, необходимо воспитывать. Сейчас подразумевается, что вкус заложен от рождения, дарован, как глаза и уши. А назначение искусства в том, чтобы ему угождать. Поэтому наша цивилизация вернулась к «биологичным» ритмам примитивных народов, ударам шаманского бубна или африканского там-тама, проникающих в эмоциональную сферу минуя интеллектуальную. В отличие от пролеткульта, масскульт не объявил войны искусству высоколобых, засевших в башне из слоновой кости, мэйнстрим её попросту проигнорировал.

Античных философов, духовных лидеров христианского Средневековья, мыслителей Нового времени и гуманистов эпохи Просвещения, харизматических вождей общественных движений, раздвигающих горизонты писателей и учёных, заглянувших в отдалённые уголки Вселенной, сменили рок-идолы, глянцевого интервью которых несут свет истины. Сегодня даже церковь приспосабливается к новым условиям, отбросив патриархальную риторичку, её лидеры переняли язык западных менеджеров. Наступила эра футбола и лёгкой музыки. А ещё в двадцатые годы прошлого столетия, по свидетельству Ромена Роллана, толпа одинаково восторженно приветствовала и Чаплина, которого понимали все, и Эйнштейна, которого не понимал никто.

«Элитарное искусство» не может существовать в отрыве от массового, а когда в масскульте царит глупость, то «элиткульт» впадает в безумие. Бессюжетный поток сознания, нерифмованная, бессодержательная поэзия, почему-то называемая верлибром, живопись, больше похожая на тесты Роршаха, криминальные боевики, которые автоматически зачисляются в «арт-хаус», если сняты не в Голливуде. Нам предлагается постигать смысл мазни, за которую в художественной школе ставят двойки. Отсутствие мастерства прячется за отрицание формы. Но за отрицание этого отрицания ангажированные критики обвиняют в непонимании современного искусства. Но кто его понимает? Говорят: искусство для избранных. Но кто избранные? Сами создатели? Искусствоведы, «распиливающие» средства, выделяемые из госбюджета?

Официальной культурной оппозицией масскульту выступает «патриотическое» искусство, стоящее на трёх китах: Православии, Антисоветизме и Лубке. Современный квасной патриотизм – это когда в каждом кадре крест, а в каждой песне – «мы русские, с нами Бог!». При этом порядки в Императорской России воспевают бывшие коммунистические идеологи, пережившие из красных в серые, «душеспасительные» киноленты снимают авторы «чернухи» девяностых, а романсы исполняют те, кто не пробился в «попсу». В искусстве роли поделены, как в игре «казаки-разбойники»: кто-то разыгрывает карту западничества, кто-то – славянофильства. А нам предлагают выбирать между не лучшими образцами заимствованного искусства и пародией на собственное, между искусственностью и безыскусностью.

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
В Союзе Писателей заправляют наследники «деревенщиков», писателей земли, «авторграундов», как их называли представители советского андеграунда. Удивительно, как они сохранились в перевернутом мире! Ещё более удивительно: как им не стыдно за свои книги? За поэзию, которая, вероятно, хороша в переводе на русский, и прозу, не делающую честь школьному сочинению? Или стыд остался в развитом социализме? Душу поэта сегодня заменили сердце чиновника и руки дельца! Основная претензия «почвенников» к «западнорыночным отношениям» в литературе: почему издаётся тот, кто платит? Но и для вступления в СП России требуется денежная сумма. Помимо умения справиться с предложением «Мама мыла раму». Распахивая двери всем и каждому, он давно превратился в проходной двор. А писательские съезды, которые проводятся в лучших традициях советской партноменклатуры и от которых за версту несёт обскурантизм? Да и остальные творческие союзы – эти големы, вызванные к жизни интрасекторальной грызнёй – в создавшихся условиях также переживают стагнацию. А с другой стороны модные режиссёры, уловив запросы времени, эксплуатируют славу великой русской драмы, ставят на сцене классику в духе ушедшего театра абсурда, называя эти перепевы современным прочтением. Им не откажешь в мастерстве, им опозлить – только прикоснуться!

А создать равноценное?

Кажется, культурная жизнь бьёт ключом: издаются книги, выходят фильмы, ни дня не проходит без фестивалей, выставок и концертов. А в будущих учебниках по культурологии о них не будет и строки.

В начале прошлого века русская словесность переболела декадансом, в начале нынешнего русское искусство в целом переживает тёмную полосу деграданса. Переживёт ли?

ГЕРОИ ЧУЖОГО ВРЕМЕНИ

Это учителя провинциальных школ, самые низкооплачиваемые в мире врачи, это рабочие, которых вытеснили гастарбайтеры, это миллионы безработных, беспризорников и бомжей. Путинская Россия перещеголяла николаевскую – в ней все лишние. А может, лишняя она сама? Её вклад в мировую экономику меньше половины процента – за счёт нефти и газа, исчезни Россия, никто и не заметит. На карте появится белое пятно, где вахтовым методом качают нефть и рубят лес. Проиграет ли при этом цивилизация? А разве для неё важно трафаретное, списанное под чужую кальку общество? Похоже, Россия исчерпала себя, надорвавшись в революциях и войнах, её потенциал истратился, дав Толстого, Менделеева и Рахманинова, так что её будущее лежит в её прошлом. А кому нужны джунгли с квартирами, похожими на колумбарии, толпами одномерных людей и телевизором, по которому лгут продажные оракулы? Какой вклад в культуру может дать страна, тиражирующая худшие образцы чужого? Сегодняшняя Россия – это место, где хорошо себя чувствуют навозные жуки. «Мы устали быть великими!» – пропагандируют они, и национальную идею для них олицетворяет потребительская корзина. Кто заметит их исчезновение? Кто будет оплакивать? Вся российская геополитика свелась к мелочным разбирательствам с Украиной и Беларусью чиновников Газпрома, которые вовлекают в конфликт народ, но на свои яхты приглашают избранных. А на Западе о России молчат, будто не замечают. Или льют помои: водка, медведи, скандалы. Это раньше именем России были Гагарин или Солдат-Освободитель, сегодня, сколько бы мы не тасовали исторических деятелей, выбирая для себя символ, для внешнего мира наше имя – Позор. А, может, мы сами виноваты? Копирование чужого всегда пародия. Невозможно было без смеха смотреть голливудские фильмы о России. А теперь российское кино показывает нашу жизнь глазами американцев! Лубочное прошлое, гламурное настоящее, туманное будущее. Бездарные ленты, об эстетике которых не приходится и говорить, тиражируют мифы о «чёрном» НКВД, пьяной матросне, не кланявшейся пулям белой гвардии, о рае помещицкой России, о выигравших войну штрафниках и симпатичных бандитах девяностых. Современными героями экрана руководят приземлённые мотивы, их цели меркантильны, отношения пошлы, а в диалогах сквозит откровенная фальшь. И на этом воспитываются поколения! Неудивительно, что наперегонки в России идут два процесса: вымирания и вырождения. За год мы теряем население города Краснодар, но как учесть потери духовные? Сколько талантов загублено навязанными ориентирами? Сколько жизней растоптано бесконечными смехопанарамами, рекламой пива и пропагандой образа жизни «звёзд»? Если так пойдёт, то эти строки скоро станут написанными на мёртвом языке.

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
По уровню коррупции Россия входит в первую десятку стран. При этом рост экономических и уголовных правонарушений нам объясняют неразвитостью судебной системы, лазейками в законодательстве. Но ещё Конфуций считал, что чем больше законов, тем больше преступников. «Ибо сначала надо научить людей, а потом судить их, – говорил он. – Пример же праведного пути должен показать правитель». А россиянин с молодых ногтей знает, что успешное продвижение по социальной лестнице обратно пропорционально морали и способностям. Мы давно смирились с тем, что нами правят посредственности, что процветают откровенные проходимцы и беспринципные негодяи. Нам отводят роль говорить по эту сторону экрана, а на выборах – голосовать за меньшее из зол. И каждый понимает, что от него ничего не зависит, что его «вТёмную» используют в чужом спектакле. Так что сложившееся сообщество очень походит на крысиное. И оно глубоко больно! В каждой столичной квартире – палата номер шесть, родственные отношения выродились в коммунальные, а все их стороны регламентируют деньги. Наши современники завистливы и озлоблены. И строительство тысячи храмов ни на каплю не увеличивает их любви к ближнему! Подлинной религией в России стало оголтелое потребление, а возрождённое Православие свелось к идеологической обслуге власти, обрядоверию и дурной мистике.

Один немецкий политолог сказал: «Для успешного развития в России есть всё, осталось, чтобы на руководящие посты пришли достойные, честные люди».

Несбыточные мечты!

КАТАФАЛК ПРОГРЕССА

Если цивилизации сравнивать с людьми, то наша похожа на уличную торговку. Ощупывая липким взглядом, она, зазывая к лотку, хватается за одежды – никто не уйдёт от неё с пустыми руками. Торговое ремесло сегодня не просто в почёте, купля-продажа – стержень нашей цивилизации, где гонку вооружений сменила гонка потребления. Важнейшей из наук стал маркетинг, искусством заправляет реклама, а человеческие отношения свелись к *public relations*. В России гомо советикуса сменил человек-телезритель – прикованный к экрану, беспомощный без электронного поводыря.

Сталинские годы были мрачными, но казематы Лубянки в каком-то смысле гуманнее маркетинговых отделов, на дверях которых написано: «Человек человеку потребитель!» Опровергая хронологию, за 1991 годом пришёл «1984»: живущие инстинктами люди, управляемые, как радиомашинки, будто сошли со страниц оруэлловской антиутопии. При тоталитарном социализме следят за поступками, при тоталитарном капитализме – под контролем мысли и желания. Ловцы человеческих душ – маркетологи – составляют досье на каждого: что пьёт, что ест, с кем живёт, где отдыхает, какими маршрутами передвигается. Сотни институтов разрабатывают методы, определяющие за нас, что лучше, что хуже, заставляющие нас думать о том, о чём можно, и не думать о том, о чём нельзя, но мечтать – только о шопинге. При этом все средства хороши, в ход идут достижения рефлексологии и психоанализа, семиотики и ассоцианизма, не брезгают даже гипнозом. У маркетологов развязаны руки, их пропаганду не ограничивают ни уголовные, ни нравственные законы. Нередко можно увидеть, как в магазине ребёнок истерично требует: «купи!» Это плоды «детского маркетинга», который с молодых ногтей приучает быть агрессивным потребителем. Детское восприятие иное, и, с учётом психологии, для малышей разрабатывают особые рекламные приёмы. Как говорил персонаж мультфильма: «Дети плачут, а родители платят». Сегодня слезинка младенца – это монета.

Реклама давно вышла за рамки торговли, став неотъемлемой частью жизни. Книги, газеты, фильмы – это рекламоносители, друзья – переносчики вирусного маркетинга, а благотворительность – лишь одна из статей рекламного бюджета. Сегодня одни живут, придержививаясь рекламы, другие – уворачиваясь от её ловушек. А третьих нет. В мире существуют тысячи общественных организаций: «мир без мусора», «мир без мужчин», «мир без чего угодно». И нет ни одной, выступающей за мир без рекламы! Обсуждение её вреда ограничивается мягкой критикой, касающейся, в основном, деталей, а не сути вопроса, скорее забалтывающей тему, чем её проясняющей. Это тотальное замалчивание – тоже часть тоталитарного капитализма. Реклама – не движитель прогресса, а его катафалк. Продать низкокачественное, но известное проще, чем качественное, но нерекламированное. Поэтому конкуренция производителей сводится к конкуренции реклам. Но говорить о запрете рекламы – всё равно, что ходить голым по улице. Сегодня можно через Интернет купить героин и оружие, снять проститутку школьного возраста, в свободном обществе можно всё. Нельзя

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org только жить без рекламы, вездесущей, как дьявол, преследующей на работе и дома, в общественном транспорте и личном авто, без рекламы, которую выкрикивают на улицах и искусно зашивают в кинополотно. Складывается впечатление, что на единицу рекламной продукции приходится сотая доля остальной. наших современников, как африканских дикарей, завораживает всё яркое и блестящее: поэтому мизерную покупку для них заворачивают в килограммы разноцветного целлофана – на каждого жителя мегаполиса в год приходится больше тонны отходов. Наша цивилизация производит столько рекламной продукции, что удивительно, как она ещё выдерживает, чтобы не быть заживо под ней погребённой.

В России на рекламе уже выросло поколение, чей главный жизненный принцип: продавай всё, что покупается – покупай всё, что продаётся! Города наводнили люди-рты, люди-кошельки, люди-офисы. Их фантазии ограничивают рекламные буклеты, а мысли – слоганы. Их разговоры сводятся к обсуждению покупок, и свободное время они проводят в Храмах торговли. Делясь впечатлением о путешествиях, описывают гостиничные номера. Обедая в ресторанах, говорят только о еде. За рулём разглядывают чужие машины, сравнивая, завидуют или презрительно отворачиваются. Вот уж кто действительно встречает по одежке – но провожает не по уму, а по банковскому счёту! Кричащая на каждом углу реклама, использующая для своих целей основной инстинкт, срывает покров тайны, делая запретный плод обыденным, доступная порнопродукция делает женщин фригидными, а подростков асексуальными. И удовольствие они получают не в постели, а в банке. Это общество не счастливее других, и не несчастнее. Внутри него комфортно, главное не задумываться, зачем живёшь, не вспоминать, что смертен, а мечты ограничивать постройкой загородного дома.

Но как в нём жить человеку? Похоже, сегодня каждому мыслящему, как Бозэцию, последнему римлянину в окружении варваров, остаётся утешение философией.

«Не смотри телевизор, не читай газет, не ездь в метро, не разговаривай с людьми!» – советуют тем, кто отрицает современный образ жизни. Мол, это масскульт и массбит, а для избранных открыты музеи и театры. Но пошлость, как чума, достаточно пары крыс, чтобы вспыхнула эпидемия. На сцену Большого театра просочилась порнография, в филармонию – концерты «Бах forever». Интернет, как чучело соломой, набит рекламой и пропагандой, семьдесят процентов пользователей обращаются только за свежей «порнухой», а в государственных музеях орфографических ошибок – как в тетрадке у двоечника. Куда от этого деться? Остаётся тайга. Но и в лесу наткнёшься на фантик от сникерса. Параллельные миры существуют лишь в произведениях фантастов, и сбежать от безумия пиар-цивилизации можно только в петлю.

Когда национальной идеей становится комфорт, научные достижения не идут дальше съедобной посуды и ароматизированной туалетной бумаги. Зато рекламные технологии развиваются семимильными шагами. Уходят в прошлое перерывы на рекламу: внедрённая в фильм или передачу рекламная анимация, не прерывая эфир, ловит в свои сети даже чемпионов заппинга. Как скоро в наши головы станут шивать чипы, чтобы ночью, вместо грёз и эротических фантазий, нам снилась реклама? Вопрос недалёкого будущего, дело за технологией, а психологически мы готовы.

Может, не так уж плохо, если манипулятивные технологии достигнут совершенства? У нас не будет мечтаний, а значит, и метаний. Нам будет неведома любовь, но и одиночество. Наши потребности будут ограничены заложенной программой – и мы не попросим больше, чем нам дадут. Не будет ни общественных бунтов, ни мучительного личного выбора. Мир, населённый одномерными людьми, станет похож на рекламный постер – красочный и плоский.

Не правда ли, мы этого достойны?!

РОССИЯ ПО ДОРОГЕ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

«SINCE 988»

Любое движение со временем окостеневает и переходит в свою противоположность. А когда выдыхается идея, включается административный ресурс. Похоже, и сегодня энтузиастов и романтиков эпохи «развитого социализма», искавших истину в вере, сменили чиновники от религии. В православную партию хлынули толпы успешных, награвших руки на катастрофе 90-х: приватизировав земное, они хотят приватизировать и небеса. Ничего

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
нового. В миниатюре повторилась вся история христианства: религия угнетённых стала религией угнетателей.

Возрождённая в России Церковь взяла на себя традиционную роль вселенского утешителя, играя на руку власти, убеждая, что несправедливость и отчаяние имеют не социальные корни, а глубинное метафизическое происхождение. Бедность, вымирание, чудовищная коррупция объясняются не экономическими и политическими причинами, а первородным грехом. Чувствуете себя обделёнными? Молитесь! Едва сводите концы? Бог терпел и нам велел! Церковь, как вечерний сериал, как доза успокоительного. «Всё в руках Божьих», – вздыхают иерархи, когда речь заходит о судьбе ближнего. Но без охраны нигде не появляются. «Всё суета сует и томление духа», – машут они рукой из сотых мерседесов. Господь изгнал торгующих из храма. А сегодня оттуда изгнали Его. «Христос» – бренд раскрученный, на Руси «Since 988», под этой рекламной маркой предлагается и золочёная утварь, и выпечка, и риэлторские услуги. Во славу Божью! По безбожным ценам. Не бойсь ни моли, ни ржи, наши духовные пастыри сколачивают неземные состояния и, проповедуя о вечном, живут сегодняшним днём. Нас убеждают, что благосостояние РПЦ – этого гигантского оффшора с неконтролируемыми денежными потоками – залог душевного благосостояния каждого из нас. А что тогда судебные тяжбы за недвижимость, в которых погрязла русская церковь? Репетиция перед Страшным судом?

Почему идея всеобщего равенства вызывает у сегодняшних церковников скрежет зубный? Почему коммунистическая идеология, почти полностью совпадавшая с христианской доктриной, записывается в главные враги? Не потому ли, что «безбожная власть» лишала их хлеба? «Мир – дворцам, война – хижинам!»

– взяла реванш возрождённая РПЦ. Нет ни эллина, ни иудея? Зато есть богатые и бедные: одних со свечками пускают позировать к алтарю, другим отводят паперть. Обвиняя коммунистов, «строивших на земле рай», РПЦ вместе с правящей элитой построила земной ад. Здравница власти, раздающая из всех церквей, – это отходная молитва по России, в которой не живут, а доживают. Наши больницы будто сошли со страниц Чеховских фельетонов: грязь, полупьяные врачи, забытые в животах скальпели.. По мнению ВОЗ, в России лечат немногим лучше, чем в Гондурасе, и хуже, чем в Молдавии. А лучшая медицина – в странах Европы, взявших за образец советскую систему Семашко. И сами иерархи, чтобы отсрочить свидание с Богом, лечатся там. Зато паству отправляют в рай по ускоренной программе, предлагая врачевать онкологию постами, а инфаркты – молитвами. Миряне едва доживают до пенсии. А священство бьёт геронтологические рекорды. И разве достойно быть сытым, когда паства голодает? В России три толстяка: поп, мент и чиновник. Свои животы слуги Господни оправдывают нелёгкими трудами. Которые делят со слугами народа?

ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ. ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

«Простой народ стонет от поборов, которыми вы поддерживаете своё сословие; вы захватили все богатства, вы торгуете всеми товарами, выторговывая себе доходы из предприятий других людей, имея привилегию не платить налоги в казну... Вы живёте праздной жизнью в удовольствиях и лакомствах, совершая самые ужасные прегрешения, вымогая деньги, пользуясь взяточничеством и лихоимством свыше возможного. Вы погрязли во всех вопиющих грехах, обжорстве, праздности, содомском грехе, худшем из худших, с животными». Кто этот обличитель? Атеист? Антиклерикал? Нет, Иван Грозный. При этом церковь во всём шла ему навстречу, разрешив пятый брак, закрыв глаза на опричнину, оргии и бесконечные казни. И объявленный мучеником Филипп, назначенный Грозным митрополитом, пал жертвой больше своих интриг, чем святости.

После казни декабристов священство устроило в Кремле праздничный молебен. А спустя полвека Иоанн Кронштадтский уверял, что бунтовщики попали в ад. За то, что выступили против самодержавия? За демократические убеждения? Однако, привлекая туристов, паломнические путеводители указывают, что в этой церкви крестился декабрист такой-то, а в этой венчался такой-то. Ведь деньги не пахнут. И в аду не горят. Как не сгорели от стыда церковники, возносившие молитвы за Гитлера! Бес попутал? Не ведали, чем окончится его «крестовый поход»? Но уже в сорок втором, когда оккупированная Россия захлёбывалась в крови, а в блокадном Ленинграде не успевали хоронить, в «Церковном обозрении» писали, что по русской земле «разносится малиновый звон колоколов; открыто и безбоязненно, с усугублёнными лишь чувствами и особым волнением при слезах радости несутся к престолу Царя Вселенной молитвенные вздохи освобождённого из ада буквально погибавшего русского

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
народа».

Что попу здорово, народу – смерть?

«Любая власть от Бога», – проповедуют нам с амвона. Даже «безбожная»? В день похорон Сталина Алексей I выступил с речью: «Великого Вождя нашего народа, Иосифа Виссарионовича Сталина, не стало. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная: сила, в которой народ наш ощущал собственную силу, которую он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которую он утешался в течение многих лет. Его имя, как поборника мира во всём мире, и его славные деяния будут жить в веках». Но не прошло и полвека, как сталинские времена окрестили «мраком и темнотой атеистического строя», когда миллионы томились в застенках только за то, что верили в Бога.

Воистину, память церковников короче девичьей! Но как же можно доверять тогда рассказам об отцах церкви? Или «всяк человек ложь»?

Достаточно познакомиться с историей русской церкви не по агиографиям, житиям и четьи-минеям, а по книгам непредвзятых учёных, чтобы понять, почему в революцию шло массовое разрушение храмов, которое сейчас представляют как дело окаянных большевиков. Монастыри издавна владели землями, крепостными деревнями и крупнейшими состояниями. Святые подвижники – и Нил Сорский, и Иосиф Волоцкий, и Сергей Радонежский – были небедными людьми. Русская церковь всегда пристраивалась к власти, как придел к храму. За века это набило оскомину. И сейчас её иерархи становятся всё требовательнее, всё настойчивее, всё бескомпромиснее.

«На сем камне Я создам Церковь Мою».

Но та ли это церковь?

МЁРТВЫЕ ДУШИ

У православных свои причуды. Сегодня иконы, как наручные часы, демонстрируют достаток. Простые верующие довольствуются «ширпотребом», как называют серийные образы иконописцы, а кому позволяют средства, предпочитают Божью благодать «от кутюр». Нувориши, соревнуясь, заказывают слепящие золотом иконы, которые меняют, словно дорогие авто. Один святой вытесняет с церковного рынка другого, в моде то скромные оклады, то гигантские триптихи, то глаза Богородицы из бриллиантов в один карат. Что это? Православный гламур? Гламурное православие? Или наивная вера в то, что райские ворота, как кремлёвские, – широко распахиваются перед кортежами, а бомжу не оставляют и щели? Это Христос мыл ноги нищим. Проповедующие Его именем лобызали их богатым. Современные менеджеры от религии превратили Благую весть в прибыльное предприятие, построив свою организацию, не оставили камня на камне от «камня сего». Они демонстрируют пародию на своего Учителя, выворачивая наизнанку Евангельские заповеди.

Рублёвка застраивается домовыми церквями. Бог, как домовый, у каждого свой? Или дорога к Нему, как автострада: кто-то едет в личном транспорте, а кто-то – в общественном?

Российская история последних десятилетий – это сплошной парафраз. Европейское «Чья власть, того и религия» вылилось у нас в «Какая власть – такая и религия». Нефеодалному государству потребовалась средневековая идеология, властная вертикаль нуждается в жреческой опоре. И в Москве скоро откроют двести новых церквей: «чтобы не создавать очередей». К Богу? К патриарху? Церковные новоделы – оплот современного режима, сеть идеологических отделов «Единой России». Но даже райкомов КПСС было в десятки раз меньше! И это в нищей, полуграмотной стране, в которой закрываются больницы и вымирает население! Чем сирот пристроить, лучше храм построить?

Говорят, вождя пролетарской революции нам подбросили немцы в plombированном вагоне. А Бога?.. Кто не верит в Христа – тот не русский? Не патриот? Но в этом смысле Велес и Дажьбог предпочтительнее. Во-первых, для Руси они древнее. Во-вторых, это национальные боги, а не импортированные. Веря в них, вы поддерживаете «отечественного производителя». И, наконец, они пострадали. Как Христос от римлян и иудейского Синедриона, пострадали от Его ретивых последователей. Вот истинные символы гонимых: их убили,

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org осмеяли, опозорили, а память о них стёрли. Как это по-христиански: огнём и мечом, крестом и рублём! И сегодня процветает всё тот же ложно трактуемый прозелитизм, и сегодня в церковь загоняют палками, пинками и подзатыльниками, обещая показать по телевизору последнего атеиста. Мы заставим любить Бога! Массовость превыше всего! Крестоносцев сменили крестолобцы и крестолобики, храмы заполонили миллионы обрядоверцев и обрядоверчиков, суеверов и суеверчиков, чьи мысли серы, как подрысник священника. Один из иерархов Александрово-Невской Лавры признался, что огромному количеству прихожан и прихожанок надо сначала обратиться к психиатру, а потом уже приходить в церковь. Неужели паства должна состоять из недалёких, серых кликуш, ханжей, смиренниц со злыми глазами, невротиков и истеричек? И все они обретут Царствие Небесное? А Чехов – нет. И Толстой – нет. И Гагарин. И Шолохов. И Есенин. И миллионы отдавших жизнь за Родину, миллионы положивших живот за други своя, миллионы подвижников «безбожного» режима.

В советское время ходили на демонстрации. В 90-е бросились в «бизнес». А теперь уверовали, променяв «учиться, учиться и учиться» на «молиться, молиться и молиться». А если к власти придут сатанисты?..

Люди-флюгеры – киношники, литераторы, артисты – моментально сменили культурную ориентацию. Даже эстрадные пошляки одели кресты такого размера, чтобы разглядели зрители с последнего ряда. Православную культуру объявили альтернативой масскульту. Вот только в альтернативщиках – знакомые всё лица. Создатель фильма «Маленький гигант большого секса» снял «Петя по дороге в Царствие Небесное», а бывший непревзойдённый мастер «чернухи» – ныне главный режиссёр православного мейнстрима. От христианства в их фильмах только «аскетизм» – отказ от образов, драматургии и глубинного подтекста. Это пролеткульт подарил миру «Заставу Ильича» и «Холодное лето 53-го», «Броненосца Потёмкина» и «Сталкера». А православный «фаст-арт» вполне обходится схемой, лубком и поверхностной риторикой.

Как и его заказчики, опростившие религиозное чувство до расхищения лбов.

Может, и правы, выступающие за Христа без церкви? Всё же лучше, чем церковь без Христа?

УБИЙСТВО ПОД ЛЁГКУЮ МУЗЫКУ

При царях строили православную империю, при большевиках – коммунизм, сегодня поддерживают властную вертикаль. А для этого вытравливают личностное начало. Наше будущее – шариковы и оруэлловские пролы. Разве не «делают правду» на политических телешоу, как в «Министерстве правды»? В эпоху аудиовизуальной культуры важнее показать, чем заставить думать, миллиарды легче поверят телевизору, чем трезвым доводам. Иные механизмы восприятия, другая природа мышления, развитая бесконечным мельтешением клипов. Так удобно, когда правда становится производной от закона больших чисел, когда погрешность инакомыслящих ничтожно мала по отношению к правоверному населению.

«Живи одним днём!» – главный императив современной России. И наша развращённая власть – тоже его заложница. Её ориентация на «поступательное развитие» выдаёт нежелание что-либо менять. Страна в тупике, необходимы кардинальные реформы, а власть всё устраивает! Мы же не сытая Швейцария, которая может себе позволить развиваться сотни лет! Но может, всё проще, и «после нас хоть потоп»? Это раньше всё решали кадры, а теперь «всё решают мавры». Цены на нефть, десятилетие раздувавшие мыльный пузырь российской экономики, упав, заставили его лопнуть. И не стоит обольщаться, кризиса в России нет, кризис для развитых стран, нас постигла банальная участь сырьевого придатка. Десять лет путинского правления – огромный срок, за который страна могла встать с колен! – были посвящены риторике, маскирующей стагнацию, а когда фарт с энергоресурсами кончился, выяснилось, что власть обанкротилась, что у неё в запасе ни идей, ни денег, ни планов. Остаются общие призывы, пустые обещания, а также проверенные средства – ужесточения и репрессии. При сокращениях в армии аппарат МВД растёт, увольнять могут рабочих, врачей, учителей, но не парней с дубинками! Запрет на несанкционированные митинги, когда нужно просить разрешение власти, чтобы её критиковать, проект закона, окрещённого «За измену Родине», под который может быть подведён любой не кричащий: «Хайль, президент!», или проявивший нелояльность в кухонном разговоре, вызывают в памяти библейское: «А где двое вас соберутся, там и я – третий!» Пародией на культ личности выглядят

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
наши политики и деятели искусств, устраивающие парад лизоблюдства. Чего стоит одно высказывание в адрес премьера: «Мы в вас видим человека, который является системообразующим явлением сам по себе». Или: «Очень хорошо, что вы родились!» И такие же дифирамбы расточают президенту! Впрочем, в общественном сознании они сливаются: власть в Российской Империи символизировалась двуглавым орлом, в сегодняшней России – двуликим янусом.

Дегуманистическая система плодит бездушных трудоголиков, завистливых потребителей, одномерных и невротичных. Она тиражирует поколение покорных тупиц. И в глубоко больном обществе они становятся опорой власти. Это ли не гуманитарная катастрофа! Вынуть из телевизора идеологическую пропаганду (а такой откровенной промывкой мозгов брезговали даже поздние коммунисты!), убрать низкопробную «развлекуху» – значит опустошить экран, значит выдернуть стержень из современной власти. Снижение образовательного уровня, сокращение учебных часов по гуманитарным дисциплинам демонстрирует, что наши правители совсем не задумываются о будущем нации, ограничиваясь будущим собственных детей.

Мы занимаем первое место в мире по самоубийствам, второе по количеству заключённых, по авиакатастрофам и темпам СПИДа обогнали Африку, нас осталось сто сорок миллионов, на трёх рождённых в минуту мы имеем пять смертей, теряя в год население такого города как Краснодар, обезлюживаются Север, Дальний Восток, Сибирь, а телевизионные новости кормят нас достижениями нашей эстрады! У нас миллионы безработных, бездомных, наркоманов – удручающая статистика, говорящая в пользу прогноза Бжезинского о распаде России к 2012 году. Похоже, этнос, пережив фазу надлома, ступил на путь обскурации, включив механизмы самоуничтожения. Шестьдесят процентов респондентов главным событием года назвали очередную свадьбу популярной певицы. В России самые высокие показатели медицинской ошибки, самая низкая оплата труда врачей, убыль мужского населения сравнима с потерями в Отечественную Войну, но каждый пропускает эту «негативную» информацию мимо себя, ориентируясь только на собственное «благополучие». В сущности, государство давно распалось, осталось атомизированное население, кое-как склеенное липкой лентой СМИ. Мы занимаем второе место по количеству желающих уехать на Запад. Но за границей принимают лишь избранных. Мы уверенно лидируем по количеству поддельных медикаментов. А зачем лечить обречённых? По большому счёту нам предлагают умереть.

Чтобы летали ракеты и вращались турбины, коммунисты работали засучив рукава, страдая при этом косноязычием. У наших правителей язык подвешен, на очевидные доводы их спичрайтеры подыщут выгодные им «объяснения». Только что толку? Грядущее обнищание многим откроет глаза, однако кто верит, что политический климат в России изменится? Наши правители продолжают плыть по течению. Они-то доплывут.

А мы?

АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ

То, что не удалось Троцкому с его перманентной революцией, оказалось под силу отцам глобализации, опирающимся на самый многочисленный класс – обывателей. «Потребители всех стран, соединяйтесь!» – стало главной заповедью современной религии. Мещанство интернационально, потому что зоология космополитична, а перед прилавком все равны. Катаклизмы прошлого столетия, исход человечества из биологического плена под знамёнами коммунизма и фашизма обернулся тотальной усталостью, реставрацией животного начала и торжеством вульгарного эпикурейства. Естественные надобности, еда и секс, вышедшие на первый план, заслонили идеологические разногласия, разрешили споры о счастье, подвели черту под мечтами о светлом будущем. Символом нашей эпохи стала потребительская корзина, на все вопросы современность даёт ответ в денежном эквиваленте. Миллиарды одномерных людей, как саранча, атакуют супермаркеты, как загипотизированные сомнамбулы, они бредут мимо полок в их искусственных лабиринтах. Кажется, они будут скитаться так тысячи лет, вместо пастырей придерживаясь рекламы, как евреи в пустыне, питаясь манной гамбургеров и модифицированных продуктов. Быт подменил бытие, борьба за выживание сменилась гонкой за комфортом.

Что это, конец истории или духовный апокалипсис?

Повсюду торжествует агрессивная посредственность, ограниченность стала

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
визитной карточкой телевизионных «интеллектуалов». Интеллектуальное искусство вытеснено на обочину, а его место оккупировало творчество сумасшедших. Современные культурные изыскания ассоциируются с перфомансами, инсталляциями и деструктивными языковыми конструкциями, подражающими авангардистам начала XX века. Выжженная пустыня современной культуры существует как придаток прилавка, и её неказистая витрина не радует глаз даже чахлой самобытностью. Это закон рынка. Когда искусство стало товаром, каток масскульты втоптал в грязь всё талантливое, оставив на поверхности напористых бездарностей. Их образы, тиражируемые электронными СМИ, требуют религиозного поклонения, а поделки голливудской фабрики кошмаров объявляются культовыми. Современная история представляется как бесконечно затянувшийся сериал. Неужели и через тысячу лет главными мировыми новостями будут сплетни из жизни голливудских «звёзд»? Неужели и тогда духовные запросы общества будут удовлетворять творцы масскультуры? Нас уверяют, что народы сами жаждут этого, замалчивая о воспитательной нагрузке искусства, забывая, что «народ – это чистый лист бумаги, на котором можно ставить любой иероглиф». На самом деле под лицемерными лозунгами свободной конкуренции навязывают культуру одной страны. Разве араба, индуса или русского настолько интересуют насущные проблемы американцев, разве американский образ жизни – единственный эталон? Почему миру отводят роль дворни, подглядывающей в замочную скважину хозяйских покоев? Торжество коммунистической идеи вместе с властью Москвы несло развивающимся странам братскую помощь, строящиеся заводы с тысячами рабочих мест и бесплатное здравоохранение. А что дало миру семнадцатилетие безраздельной власти США? Разгромленную Югославию? Уничтоженный Ирак? Разве мир вздохнул свободно? И чем дальше, тем отчётливее видно, что мировые хозяева заботятся лишь о своём кармане, вместо идеологии распространяя борьбу с идеологией. Освободители от железной пяты СССР требуют не меньшего подчинения, предлагая взамен лишь бесконечные декларации о правах человека.

Россия сегодня переживает эпоху застоя, по сравнению с которой брежневские времена – буря. Тогда была подспудная общественная жизнь, кухонными разговорами интеллигенция откликалась на текущие события, и её мнение было отлично от официального. Теперь добровольно берут под козырёк всем начинаниям властей, телевидение, отучая мыслить самостоятельно, стало перстом указующим. Да и государственная жизнь в брежневские времена была привычно насыщена – то Олимпиаду выиграли, то очередной корабль в космос запустили, то завод-гигант построили. Сегодняшний же период стагнации похож на века – на короткий срок высоких цен на топливо. Как писал английский журналист, аккредитованный в Петербурге: «России уготована судьба Карфагена. Она станет, выражаясь языком Библии, рубить лес и черпать воду для финансовых магнатов современной России и Западной Европы». Эти пророчества относятся к семнадцатому году! И теперь мы, действительно, рубим лес на сырьё, а вместо воды черпаем нефть. Отцы и деды отодвинули крах на семьдесят лет, беззастенчивые самовыдвиженцы девяностых пустили страну с молотка. Притом, что половина населения России оказалась за чертой бедности, Москва стала самым дорогим городом мира, в котором живут семьдесят четыре миллиардера. Советскую власть сменил неофеодализм, олигархи и коррумпированное чиновничество возглавляют финансовую пирамиду, которая обречена рассыпаться, как картонный домик, с падением цен на энергосырьё.

Этот международный проект и есть наша национальная идея?

Деградация последних десятилетий обеспечила также бурное возрождение средневекового реликта: Церковь, обслуживающая общество потребления, – это ещё один феномен современной России. На месте тысяч закрытых НИИ, как грибы, выросли храмы, России, от которой осталось одно название, остаётся надеяться лишь на Бога. Современные иосифляне исправно служат власти, как их предшественники, они так же угодливо продаются, обвиняя в ереси нестяжателей. [1] «Вне церкви нет спасения!» – узурпируя Бога, торгуют они индульгенциями, как и раньше причисляя к лику святых сильных мира сего. Церкви отведена роль идеологического отдела «Единой России», которую она, превратившись в духовное КГБ, исполняет с таким же рвением, как раньше поддерживала царское самодержавие.

Дуэли, возникавшие на почве затронутой чести, кажутся иррациональными в наш век расчётливого прагматизма. «Ничего личного», – бомбят сегодня в погоне за прибылью, и человечество всё больше походит на гигантскую машину, бездушного механического спрута, подчинённого воле экономических законов. В атомизированном обществе народы демонстрируют поразительное смирение, их

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
лидеры не вызывают презрения, когда верноподданнически заглядывают в глаза заокеанскому Большому Брату, выстраиваясь в очередь у его парадного подъезда. Демократическая толерантность и политкорректность прикрывают полнейшее равнодушие к судьбам нации. За товары в супермаркете стерпят любые унижения и, что хуже, предадут национальные интересы, будущее своих детей и внуков. Этническое отступает на фоне экономического, интернационализация капиталов ведёт к разрушению традиционных сложившихся государств. Нам твердят о мире без границ, но географические границы сменили куда более крепкие – денежные. И формирование международного правительства происходит за закрытыми дверями, оставляя остальным принимать участие в фарсе национальных выборов.

Духовное состояние общества характеризуется, по-видимому, не строем, формой производства и уровнем технического прогресса, а энергетикой его членов. И сегодня горячую фазу революций и войн XX века в надломленной фазе обскурации сменил холодный апокалипсис.

ДЕМОКРАТИЯ И ТОТАЛИТАРИЗМ

То, что в СССР называлось спекуляцией и законодательно каралось, в современной России превратилось в почётное ремесло. Каждое общество имеет свои духовные основы, каждая власть – свой психологический подтекст – чувства, к которым она апеллирует, струны личности, на которых играет. Теократия обращается к посмертному воздаянию и комплексу вины, имманентно присущему как расплата за первородный грех. Тоталитаризм взывает к чувствам, близким религиозным, но, приземляя их, декларирует построение идеального государства, сводя потусторонность к посюсторонности. Ущемление личной свободы при этом оправдывается высокими целями, их достижение основывается на долге, коллективной ответственности и страхе, персонифицированном в лидере.

Психологическая палитра управленческих приёмов демократии значительно богаче. В её арсенале – тщеславие, зависть, страсть к стяжательству, страх, потеряв работу, оказаться в общественной изоляции; демократия дёргает за верёвочки корыстолюбия и неуверенности в завтрашнем дне. Провозглашая идеологией отсутствие идеологии, она не ставит возвышенных задач, ограничивая личностные запросы вульгарным эпикурейством. Делая ставку на индивидуализм, предоставляя свободу, граничащую с равнодушием, она педантирует эгоистические мотивы и потому более устойчива. Развитие осуществляется за счёт внутриэтнической конкуренции, борьбе за место под солнцем, а этическим перпетуумом мобиле выступает «хомо хоминем люпус эст». Теократический и тоталитарный режимы развивают чувство коллектива и носят характер общинных. Демократия же подразумевает скрытую войну всех против всех, которая в психологическом плане может быть приравнена к гражданской. На этой невидимой войне гибнут ничуть не меньше, чем на настоящей, сгорая во внутреннем трении. На биологическом языке это означает, что межвидовая борьба уступает место внутривидовой, как известно, более жестокой. Так «холодная война» разъединяла страны, но сплачивала людей внутри этих стран, сблизала народ и власть. Теперь граница «холодной войны» проходит по забору частного дома, квартире, личному имуществу, а главное – по индивидуальному сознанию. Человечеству предоставляется горький выбор: трепетать от внешней угрозы, консолидирующей этнос, или сходить с ума от бессмысленной грызни, задыхаясь в удушливой атмосфере «мягких» ценностей.

В царской России самоидентификация привязывалась к сословию – дворянскому, крестьянскому, купеческому, в СССР – к классу рабочих, крестьян или интеллигенции. В демократической России различие между субъектами свелось к банковскому счёту. Но если в сообществе нет официально принятого разделения, то оно выстраивает «неформальные» барьеры. Кастовые сообщества, закрытые клубы и ложи для избранных составляют тайную основу демократической иерархии.

При нынешних мировых ценах на топливо России с её нефтью и газом уготована судьба двоечника, которому дают списывать и которому нет нужды разбираться в своём задании. Собственно, страны как таковой уже нет, национальная идея свелась к обслуживанию трубопроводов и скважин, распределению денежных средств в узком слое финансовой олигархии, а за парламентской трескотнёй «оппозиционных» партий не слышно глухого недовольства народа. Демократия по-русски свелась к нефеодализму. Впрочем, в любом обществе неравенство заложено на биологическом уровне – оно делится на активное меньшинство, заряженное энергией власти, ненасытное в отношении собственного

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org благополучия, и пассивное большинство. Советский «тоталитаризм» стремился к социальной «уравниловке», сдерживая животные инстинкты, вовлекая весь народ в управление государством и распределение благ. И в этом была его ошибка. Перевероты и революции всегда устраивает агрессивное меньшинство, недовольное своим положением, масса же, подобно стаду жвачных, не способна самоорганизоваться и протестовать. Но ублажать меньшинство в ущерб большинства противоречило принципам построения бесклассового коммунистического общества, провозгласившего лозунг: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям!». К тому же потребности всегда превосходят способности. И российская демократия повела себя умнее – предоставила возможности материального успеха активному меньшинству, бросив остальных, как балласт, предоставив им самим заботиться о себе. Сконцентрировавшись преимущественно в столице, активные элементы направили свою энергию в русло личного обогащения, поэтому сейчас в России нет диссидентов, как это было в СССР, когда многие считали себя незаслуженно обделёнными, теперь каждый из недовольных может найти себя в тараканьей гонке, распыляя агрессию в бесконечной войне друг с другом. Остальные же безопасны для власти, они будут довольствоваться крохами и терпеливо наблюдать «красивую» жизнь по телевизору. Поэтому ужасающее неравенство в России не связано с трудностями переходного периода, оно закономерно, ибо придаёт пирамиде устойчивость. И как следствие, уровень образования по сравнению с «тоталитарными» временами катастрофически упал: закрываются школы, облегчаются учебные программы, профанируются университетские дипломы – нужны не гармонично развитые личности и даже не узкие специалисты, а безмозглые потребители. Земля, как и на заре существования, отдана во власть хищных беспозвоночных.

Если общественная дисциплина при тоталитаризме поддерживается сапогом, а управление осуществляется с солдафонской прямолинейностью, то при демократии им на смену приходят изощрённая пропаганда, фарисейское лицемерие и чудовищное по силе внушение. Выбрать из тысячи телеканалов невозможно: тоталитаризм прячет истину глухим молчанием, демократия – откровенным забалтыванием. Но тёмный погреб и видное место одинаково приспособлены для сокрытия.

Тоталитарное искусство грешит назидательностью, злоупотребляя резонёрством, а «демократическое» впадает в другую крайность. У искусства остаётся одна функция – развлекательная. Когда культура превращается в товар, когда художественные достоинства определяются суммой затраченных и вырученных денег, тогда место таланта неизбежно занимает пиар, автора – издатель, а режиссёра – продюсер. Масскультура вытеснила культуру, сделав её творцов маргиналами, отведя им башню из слоновой кости. Провозглашается, что элитарное искусство существует для избранных, но отделение элиты от плебейской массы, для которой предназначены «хлеб и зрелища», плохо кончается и для «верхов» – в третьем колене они вырождаются.

При советском «тоталитаризме» ориентировались на людей созидательного труда – рабочих, учёных, крестьян, при демократии берут пример с работников сферы услуг – риэлтеров, юристов, офисных клерков. Место адвоката, менеджера и биржевого маклера в десятки раз доходнее инженерского! Демократия не гонится за миражами сверхценностей, не ставит сверхзадач и в этом отношении более естественна. Её философия зиждется на пантеизме, её модель копирует природу. Свободное развитие, саморегуляция и рыночные отношения аналогичны взаимодействию животных популяций. Она строится на биологических началах и потому более жизнестойкая, чем манящие отвлечёнными идеями теократия и тоталитаризм. Они отодвигают счастье в райские кущи или светлое будущее, эксплуатируя принцип бесконечной отсрочки, а психологию нашего времени отражает императив «живи настоящим!». Мимесис, подражание успешным современникам, ориентация на «здесь и сейчас» придаёт обществу динамику, но мгновенное забвение прошлого делает его неустойчивым, оно течёт, как ручеёк, выбирающий русло, руководствуясь удобством, не задумывается, что ждёт за поворотом. В идейном плане демократия бессильна что-либо предложить, кроме ценностей мамы, но любые попытки жить иначе вызывают у неё бешеное раздражение. Её позиция основана на отрицании других систем – теократии и тоталитаризма, от которых она стремится освободить мир. [2] Возможно, в этом и состоит её планетарная роль, её стабилизирующее начало – жертвенный огонь гаснет в демократическом болоте, острое мышление, зачастую приводящее к топору, тупится в тисках политической корректности.

Теократия и тоталитаризм – это искусственные химеры нашего разума, рождённые желанием избавиться от биологических оков, осуществить скачок в

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
развитии, возвысив сознание над материей. Демократия довольствуется тем, что есть, её мировоззрение сводится к тому, что мы, как бабочки-подёнки, пришли на миг, чтобы дать потомство и продолжить вечный спектакль жизни.

КУЛЬТУРА КАК ЭКСГИБИЦИОНИЗМ

В средние века детей, отданных в цирк, держали в бочках, чтобы кости, деформируясь, приняли уродливые формы. В бочку современной культуры поместили всё общество, атрофируя коллективное мышление.

– Читала Куэлью, – говорит сорокалетняя женщина.

– Замечательно!

– Я слушала его аудиокнигу, – соглашается другая. – А как вам Дэн Браун?

Двадцать лет дебилизации не прошли бесследно. Стало хорошим тоном обсуждать третьеразрядные произведения. Смотреть картонные киноленты, больше похожие на нарезки компьютерных игр. Посещать выставки, экспонаты которых не говорят ничего ни уму, ни сердцу. Достаточно назвать это бестселлером или блокбастером, растробить, что это – модно. Мнение, как глаза, если нет своего, верят чужому. Неужели прав Писатель из «Сталкера» Тарковского, говоря о публике: «Они жрут, жрут... Гадость из себя вынешь, мерзость – жрут мерзость!» Но, похоже, сегодня, в канун двадцатилетия антикультурной революции в России, рефлексирующие интеллигенты отошли в прошлое, произведение как повод, как приглашение к диалогу умерли, и публику откровенно насилуют, сводя отношения с ней к чистому фрейдизму. Современные менеджеры от искусства видят свою задачу не в том, чтобы возвысить массы, как трактовали духовный прогресс пастыри прошлого, а, наоборот, опустить. Культура – всего лишь бизнес. Это коммунисты вслед за эпохой Возрождения и русскими классиками провозглашали целью гармоническое развитие личности, раскрытие её эстетического потенциала, нынешние лидеры демократических режимов пошли по американскому пути, не приветствуя общегуманитарного образования, играя на понижение. Приземлённый центр тяжести делает общество устойчивым, ведь осознание своей личностной значимости расширяет список претензий, удовлетворить которые государство не в силах. Но ограничение художественных запросов, замыкание их на комиксах, криминальном чтении и Голливуде привело к девальвации вкуса, его плебейзации, когда шоу довлеет над истиной.

Каток масскультуры уютит сильнее пролеткультовского, Маяковский, предлагавший сбросить Пушкина с корабля современности, сегодня отдыхает. «Если ты хочешь прославить своё имя, разрушай всё, что другие построили, ибо ты не можешь строить выше, чем строили твои предшественники, и нет подвига более прекрасного для обретения славного имени», – в V веке наставляла мать короля-варвара. Не этому ли следуют творцы новояза и самозванные глашатаи российского «постмодернизма»? Они подменили собой весь пласт русской классической литературы, в результате Золотой и Серебряный век сменились веком злата и серебра. К чему морализующий Толстой, страдающий Достоевский? А тургеневские девушки? И антоновские яблоки Бунина далеко не золотые. Выворачивая наизнанку прошлое, которое сегодня одновременно замалчивают и забалтывают, привычные понятия наполняют новым смыслом, точно старые мехи молодым вином. Под удавшейся жизнью надо понимать судьбу нового русского, под любовь – замужество на Рублёвке, под честным словом – офисный договор. Больше себя из себя не выжмешь, чему могут научить книги сегодняшних властителей дум? Они сделаны по одной схеме, их населяют плоские персонажи, вычерченные, будто по лекалу, и кочующие из одного сенсационного шедевра в другой. Но если отбросить ангажированность критиков, рекламу СМИ, неприязнительность вкусов, то за очередным творением проступает голое, как король, авторское «я», в котором – пустота.

Советскую цензуру сменила куда более жёсткая. В современном искусстве царит полнейшая свобода от всего, кроме банковского счёта. У хозяев московских ресторанов и торговых фирм модно быть писателем. А чего проще? Пишется как слышится, издаётся как платится, покупается как пиарится. Отношения менеджеров, будни топ-моделей, проблемы бизнесменов заполнили книжные полки и толстые журналы. При этом «производственную тематику» вполне бы искупал талант, эротические сцены – погружение, как у Набокова, в глубины подсознания, навязывание себя – богатство лексики, образовательный и художественный ценз. Но, увы! Бедный язык, которому бы позавидовали и

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
спартанцы, стилистические и орфографические ошибки, авторы точно соревнуются, кто сильнее исковеркает литературный язык, начинив его матерщиной, жаргоном, американизмами, смешав в словах латиницу с кириллицей. И эти книги можно встретить в библиотеках Германии и Франции, в букинистических магазинах Израиля и США, они представляют сегодня страну Чехова и Шолохова. Постоянные участники круглых столов, эти авторы входят в писательский интернационал, становясь членами пен-клубов, лауреатами многочисленных премий, созданных для внутреннего пользования. Тесен их круг, попасть в него невозможно ни за какие литературные заслуги, не усвоив нехитрую истину: кто продаётся, тот и издаётся!

Живописцев сегодня зовут картинщиками, «творчество» переместилось в инсталляции, перфомансы и боди-арт. А миллионы молчат из опасения выглядеть невежами, сметённые тотальной пропагандой безвкусицы, пав жертвой шарлатанства. Велика сила внушения! А стоит только возвысить голос о здоровом начале, трезво взглянув на вещи, как свора крикунов-критиков обвинит в недоразвитости вкуса, отсутствии чутья на запросы эпохи и непонимании современного искусства. Интересно, кто кроме ангажированных искусствоведов его понимает? Что бы сказал Рембрант о чёрном квадрате Малевича или Пракситель о скульптурах Церетели?

«Культурный» слой носит корпоративно-замкнутый, кастовый характер, напоминая феодальный ремесленнический цех. Пропуском в него служат связи и денежные вложения, а в России, с её табелем о рангах и традиционной, неискоренимой семейственностью, ещё и происхождение. Со временем эти наследники Герострата превращаются в икону, их индекс цитирования взлетает до небес, и посмертно они входят в историю, отражая эпоху. Печальную эпоху деградации.

Причины культурного упадка коренятся в самом общественном устройстве, духовная болезнь нашей цивилизации носит системный характер. Стоит только положить в основу культурной жизни экономической принцип, включить искусство в товарно-денежные отношения, ориентируясь на прибыль, как всё остальное придёт автоматически, точно тумблер повернули к вырождению, включив программу самоуничтожения. Деньги, не поставленные под контроль, разъедают, как метастазы, их огненная стихия, укращённая в камине, служит очагом, а разбушевавшаяся на ветру превращается в пожар.

Под светлыми лозунгами свободы и комплиментарной аргументации, мол, люди сами разберутся, что читать и смотреть, расцветает невежество. Без воспитания народ, как брошенный ребёнок, превращается в маугли. И закономерно, что сегодняшнюю культуру олицетворяет группа проньер, демонстрирующих себя. Их ряд будет удлиняться, это только кажется, что дальше некуда, однако приходят всё глупее, пошлее, развязнее.

У регресса и прогресса нет предела, как у неба – крыши, а у ада – дна.

ИДЕОЛОГИЯ НЕРАВЕНСТВА

Каждый вечер невидимое большинство смотрит на ярко освещённое меньшинство. Телевизор – это религия, он заставляет молиться на попавших в луч его прожектора, а иконы заменили политики и шоумены. В телевизор помещается не больше тысячи, а по ту сторону – миллионы. Кто их замечает? В СССР практиковали интервью с пастухами и доярками, косноязычие которых умилялась вся страна. Однако для огромного большинства они были своими. Сейчас голоса народа не услышишь, лишённое эфира большинство безмолвствует, его не существует. Агрессивное меньшинство ежедневно осуществляет телеинтервенцию. Оно навязывает свои вкусы, мировоззрение, мораль, её отсутствие. Смысл ток-шоу сводится к тому, чтобы показать себя, политические обозреватели, критики и искусствоведы, словно возродив древнегреческое искусство, состязаются в риторике, сначала доказывая, что чёрное – белое, потом – прямо противоположное. Сегодняшняя Россия – это страна для богатых, которые, как иностранцы в чужой стране, не стесняются говорить громко. Они рассуждают о своих проблемах, делясь новостями своего круга, им неведомо стеснение, как римским матронам, обнажавшимся при рабах. Они ведут себя, как весёлые туристы на пикнике, отводя остальным роль безмолвных наблюдателей. За ширмой развивающейся демократии у нас осуществилась власть подавляющего меньшинства, которое существует, как вещь в себе – для себя живёт, в угоду себе правит, под себя принимает законы. «Элита» процветает, об остальных нет и речи. Им оставляют лишь иллюзорную возможность пробиться наверх, вероятность меньшую, чем выиграть состояние в лотерею. О каком

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
возрождения можно говорить, когда вместо Гагарина эталоном для подражания стали абрамовичи и дерибаски? О какой борьбе с коррупцией? Коррупция – болезнь духа, победа над ней напрямую связана с оздоровлением общества. А, поражённое метастазами безнравственности, оно демонстрирует во власти все признаки вырождения. Впрочем, Россия не исключение, во всём западном мире на верхних ступенях – мелкие приспособленцы, демократия фильтрует харизматические личности. Все эти чиновничьи съезды ЕС, ассамблеи ОБСЕ и слёты бизнес-элиты в Давосе напоминают об интернационализации буржуазии, о сближении высших классов под лозунгом: «Богатые всех стран, объединяйтесь!» Так что иногда кажется, будто опять звучит клятва благородных родов враждующих древнегреческих полисов, заключавших тайный союз: «Обещаю вечно быть врагом народа и вредить ему, сколько хватит моих сил!»

Сегодня семейная клановость стала нормой, в массовом сознании укоренилось, что сын миллионера – миллионер, сын режиссёра – режиссёр. Почему бы и нет, если ребёнок талантлив? Но сегодня экран заполнили детки, на которых природа отдыхает. Какой родитель не желает пристроить отпрыска? Но почему в ущерб остальным? Должно ли государство подавлять родительский инстинкт? Должно ли оно идти наперекор природе или надо пустить всё на самотёк? Платон в своём идеальном государстве, допуская разницу между бедными и богатыми не более чем в два раза, призывает уравнивать стартовые возможности, воспитывая детей в общих интернатах. Спартанцы, смягчая эту радикальную меру, начиная с семи лет, ограничивали общение ребёнка с родителями. Крайняя форма обратного, базирующегося на либеральном попустительстве биологии – наследственное обожествление фараонов, абсолютная монархия, феодализм. На протяжении своей истории человечество колеблется между этими принципами общественного устройства, и сегодня мы, похоже, склонились к последнему. В сущности, Россия вернулась к дореволюционному положению вещей. В её общественном устройстве всё явственнее проступают знакомые атрибуты самодержавия, и даже возникшая из небытия церковь служит традиционной опорой сложившейся власти, как повелось на Руси ещё с Иосифа Волоцкого. В социальном плане мы переживаем безусловный регресс, поспание общественных институтов, подмену их кровным родством, принципом утробы. При разглагольствовании о свободе сегодня торжествует животное начало – что естественно, то не запрещено: проституция, гомосексуализм, семейная протекция. Но в СССР, где они преследовались в уголовном порядке или порицались, общество в целом было здоровее.

Олигархи порождают микроолигархов, те – челядь из менеджеров, клерков, юристов, несущих взятки чиновничеству, вирус наживы выстраивает пирамиду, в основании которой – миллионы нищих. И они навсегда останутся таковыми, при любых заоблачных ценах на нефть, иначе пирамида рухнет. Конечно, люди по природе не равны, Господь или природа изначально награждает их разными талантами, но зачем закреплять неравенство в денежном эквиваленте? Зачем передавать по наследству? А ведь малейшие попытки ограничить права «хозяев жизни» тиражируются СМИ как посягательство на священный принцип частной собственности. Даже мёртвый СССР вызывает ужас, осквернить его память стало хорошим тоном. И дело вовсе не в ГУЛАГе и Голодоморе, нынешние правители отнюдь не сентиментальны, – здесь кроется страх возрождения идеи социального равенства. В семнадцатом году большинство обобрало меньшинство, в девяностых меньшинство взяло реванш. Нас пугают смутными временами, бунтами, при которых станут «отнимать и делить». Но пролетариям (кстати, в Риме так называли тех, у кого, как у среднего россиянина, не гарантирован завтрашний день) нечего терять. Им предоставляют наблюдать, как испанцы, «пытаясь очернить Россию», отбирают виллу у зарвавшегося российского депутата, их призывают болеть за английский футбольный клуб, приобретённый на их же деньги, им осталось следить за адюльтером «великосветских» нуворишей, восхищаться их роскошными яхтами и дворцами. Им позволяют прикаснуться к «красивой» жизни с той стороны экрана, помечтать, посудачить, чтобы на мистическом уровне питаться их завистью и тайным поклонением. Их презирают даже не как плебеев, у которых были в защитниках выбранные, неприкосновенные трибуны, а как бессловесных, бесправных рабов.

У самовыдвиженцев девяностых нет сдерживающих начал, а ждать, что их дети обретут аристократические манеры, превратившись в Мамонтовых и Морозовых, вряд ли приходится – генетика, если исправляется вообще, исправляется не одно поколение.

РОССИЯ, ВПЕРЕД...

В африканских племенах бездарных правителей приносили в жертву. В неофеодальной России правители приносят в жертву народ. Российская власть – «вещь в себе»: для себя живёт, в угоду себе правит, а получив ядерную державу, оставит после себя лапотную деревню.

История повторяется в виде фарса. Как будто спектакль о царской России исполняют дурные комедианты. Духовенство словно сошло с антиклерикальных агиток, а российская глубинка – со страниц бунинской «Деревни», безумной, пьяной и забитой. «Элита» передаёт место под солнцем по наследству, а бизнес стал привилегированным, как купечество до революции. Семейная клановость сегодня – норма, в массовом сознании укоренилось, что сын политика – политик, сын промышленника – промышленник, сын режиссёра – режиссёр. «Не родись красивой, а родись со связями», – гласит современная поговорка.

Россия большая, а уместилась в кармане. Олигархи держат в руках ресурсы нашей страны, но живут в других. Как и русские промышленники в XIX веке, они скупают в Европе острова и особняки, а советские санатории превращают в поместья, пряча их за высокими заборами и законами о частной собственности. Когда одни примеряют на себя дворянские одежды, другим остаётся холопский кафтан. Кто богаче, берёт славянскую прислугу, «средний класс» довольствуется азиатской. Рабы из бывших братских республик нанимаются целыми семьями, вместе с детьми. Как скоро в Россию вернётся крепостное право?

Законы принимаются в интересах тех, кто их принимает. Крупные PR-компании в списке услуг открыто указывают «лоббирование законопроектов» и «изменения в законодательстве». Человеческая жизнь не стоит и ломанного гроша, а что позволено «Единой России», не позволено России остальной. Уголовный кодекс – для народа, а для членов партии власти – «Русская правда», по которой убийство холопа не преступление. Это в СССР люди были «винтиками системы», в современной России мы – лишние детали.

Промышленность лежит на боку, зато работает фабрика звёзд, а культ личности сменился культом сомнительных личностей. Всё держится на трёх китах: дебилизации населения, углеводородном топливе и бешеной пропаганде. Кремлёвские обещания, как прогнозы Гидрометцентра: сулят хорошее, но никогда не сбываются.

Беспризорники, сироты, бомжи – власть открестилась от всего, призывая нищее население заняться благотворительностью, предоставляя самим тащить себя из болота за волосы.

Но тогда зачем нужна эта власть?

Тварь я дрожащая или мнение имею?

У каждой эпохи свой цвет. У царской России голубой – цвет морей и неба, к которому воздевали руки крепостные. У Советского Союза – красный, цвет революции, цвет войны. Российская Федерация серая, как мысли, скроенные по телевизионному лекалу.

У сельской пенсионерки мизерная пенсия, которая едва покрывает коммунальные платежи. До вечера она работает в огороде, чтобы кормиться воскресным рынком, на котором с утра занимает место. На выборах голосовала за Медведева. Спрашиваю:

- Нравится власть?
- Кровопийцы!
- Зачем же голосовала?
- По телевизору сказали...

С каждым годом выборы становятся всё абсурднее. Сначала вычеркнули графу «против всех», потом убрали лишних кандидатов. На выборах-2012 в бюллетенях будет одна фамилия? А по телевизору скажут, что демократический выбор – это прийти и поставить «галку». И придут. И поставят. Психиатры считают, что

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
внушению больше подвержены алкоголики, наркоманы, люди малообразованные, депрессивные, уставшие. Ни эта ли гамма превалирует в современной России? Вот недавний разговор в духе Чеховских фельетонов.

– Вы в церковь ходите?

– Я не верю.

– Я тоже, но в церковь хожу, – и, отведывая поясной поклон перед храмом, – и на купола крещусь.

Чужая душа потёмки, а русская – мрак кромешный.

Национальным праздником стал «День народного единства». Бомжей с олигархами? А что объединяет в России всех? Пир во время чумы? Подвиг во имя будущих поколений сегодня отнесён в разряд психиатрии, идею всеобщего благоденствия сменила идеология личного потребления. Это раньше жили так, чтобы помнили другие, теперь – чтобы было, что вспомнить.

Под моими окнами по московской улице проезжал кортеж. «На обочину, суки!» – раздавалось из «громкоговорителя». Автомобилисты, как тараканы, забились по краям дороги. В центре столицы депутат припарковался посреди проспекта, перекрыв движение, и все терпеливо ждали, пока он вернётся. Вместо пастуха в стаде баранов степняки держат козла: бараны во всём ему послушны. Это ли не аллегория России? Не впору ли задаться вопросом: «Тварь я дрожащая или мнение имею?»

В доме моего прадеда устраивались чаепития. Но под видом гостей собирались члены революционного подполья. За это приговаривали к Сибири, а у прадеда было четверо детей. Сегодня «протестующий электорат» предпочитает ток-шоу, убеждённый, что его хата с краю. Но не обнаружит ли он вскоре, что она стоит на чужой земле?

Позиция оппозиции

Перечитываю биографии народовольцев: повешена, расстрелян, замучен в каземате... Раньше оппозиционер ассоциировался с подпольщиком, сегодня он фигура публичная. А ради карьеры жизнью не рискуют. Наша оппозиция сетует на жёсткие законы. На то, что в Конституции не прописано право на бунт? А в 1881 законы были мягче? А в 1917? Очевидно, оппозиционным движениям не до борьбы, они следуют заповеди «Плодитесь и размножайтесь», так что организаций скоро станет больше, чем активистов. Не говоря уж о бесчисленных междусобойчиках тех «лидеров», которые, словно птенцы из гнезда, только вчера выпали из кремлёвской кормушки. Надо признать, что «боевиков» в современной России нет, а мягкотелых инакомыслящих сослани в интернет. В виртуальном мире бунты тоже виртуальные.

Предложение одеть рабов в одинаковые одежды, чтобы отличать от свободных, было отвергнуто римским сенатом: «Тогда они увидят, сколь немногочисленны мы». В современной России оплот власти составляет доля процента, а остальные – оппозиция, но вместо объединения оппозиционеры делят шкуру неубитого медведя. Складывается впечатление, что позиция оппозиции сегодня допускается любая. Главное, чтобы власть была сверху.

Это Русь была птицей-тройкой, Россия – автобус, ползущий к обрыву. Одни, плюща нос о стекло, любят пейзажами, другие тянут «застольную», третьи спят. А кондуктор исправно собирает деньги.

Россия, вперёд!

цивилизация душевной лени

– Ну, давай, рассказывай, как дела, – надкусив гамбургер, смотрят в рот.

А когда рассказ подходит к концу, теряют интерес.

– А что у тебя?

– Всё хорошо.

И чувствуешь себя опустошённой.

Когда-то это шокировало в европейцах. Теперь стало нормой в Москве. Призрак бродит по Европе – призрак Консумизма! Общение, как костёр без хвороста, гаснет без душевных затрат, а отрывать от себя никто не хочет. Всё вокруг нацеливает побольше взять, поменьше дать. В этом суть нашей экономической цивилизации, её главный принцип, её кредо. Доминанта, которой руководствуется человек общества потребления: «Извлечь прибыль!» (не только овеществлённую, но и психологическую), ставит на сознание автоматический счётчик: «А не переплатил ли я?» И собеседнику рефлекторно вешают ценник, вычисляя, сколько он стоит. И своим усилиям, которые рассматриваются как вложения. Окупятся ли? Взвешенный анализ позволяет уберечься от нерентабельных, эмоциональный контроль – приумножить капитал. Но постоянный подсчёт процентов развивает не только страсть к экономии, но и душевную скупость.

Товарно-денежные отношения, подчиняя все сферы человеческой деятельности, закрепощают эмоциональную. Когда чувства становятся предметом торга, приобретая измерение во всеобщем эквиваленте, они умирают. Такова расплата за удобство расчёта, за дебет и кредит, которые, проникая в глубинный мир, становясь движущими мотивами, разрушают то, что должно строиться на бескорыстной основе.

Они атрофируют базовые функции человеческого поведения.

Потребление, положенное в фундамент бытия, выходит далеко за двери супермаркета. Полушарии головного мозга, распахнутые удовольствию, настроены максимально впитать, поглотить. Как желудок на римском пиру, который опорожняли, чтобы снова возлечь к трапезе. Вечный пир и провозглашается сегодня земным раем, и всё – от рекламных шоу до развлекательных программ – нацелено насытить, преподнося готовые блюда. Раньше истину требовалось выстрадать, теперь её подадут упакованной в глянец. Остаётся проблема выбора? Одна иллюзия! Выбор давно сделали, заложив в рекламные расчёты и бизнес-планы. Общество потребления, как валтасарово царство, давно исчислено, в нём предоставляется свобода внутри прилавка, свобода манекена за стеклом витрины! Так просто затвердить катехизисом слоганы, отвлекаящие от «проклятых вопросов», снимающие бремя болезненных исканий! Чем тренировать свои мышцы, рассматривайте чужие! И постепенно вербальное общение сходит на нет, межличностные отношения сводятся к невербальным формам, язык сужается до сленга, а лексикон ограничивается шоп-туровским разговорником. А зачем говорить, если можно глазеть, как это делают другие? И застолье с его психознергетическим обменом уступает место суррогативному просмотру ток-шоу, создающему иллюзию сопричастности, но за отсутствием обратной связи оставляющему посторонним. Зато не надо адаптироваться в коллективе.

Всё для удобства. Удобства инвалидной коляски, где кормят с ложки.

Сузив кругозор, ограничив его наименованиями торговых марок, общество потребления вынуждено идти по этому пути до конца, разнообразя ассортимент, непрерывно увеличивая сферу услуг и сектор шоу-бизнеса. Но это – дорога, которую проделали все закатные цивилизации, с какого-то момента превратившиеся в самовыврождающиеся системы.

Социуму, распавшемуся на сумму индивидуумов, остаётся уповать на теорию разумного эгоизма. Но она подразумевает способность добровольно поступиться собой, а это противоречит капиталистической психологии, нацеливающей на прибавочную стоимость, и концепции максимального потребления. Общение сводится к искусству использовать, а разумный эгоизм быстро скатывается к животному.

В прошлом тысячелетии, обнаруживая политические разногласия, ожесточённо спорили, в наступившем – идеалом провозглашается всеобщая терпимость, прикрывающая равнодушие. Тоталитаризм сменило тотальное вырождение, разговоры на кухнях – молчание перед телевизором. Нам неинтересно с другими, потому что скучно с собой. Аполитичность, замкнутость в семейном кругу, отсутствие убеждений стали правилами хорошего тона. Может, на дворе не 2011-й, а оруэлловский 1984-й? Может, эволюция, сменив вектор, начала обратный отсчёт, и «беспозвоночные» шагают в сторону простейших? «Душа обязана трудиться?» А может, перед вечным покоем следует хорошенько отдохнуть? Иметь или быть? Вот в чём вопрос, вот в чём коренная разница мировоззрений!

Основной «потребляющий» возраст – от четырнадцати до тридцати. На него и ориентируется рынок: киногерои заметно молодеют, мода предпочитает яркие тона, а литература становится исключительно детской. Впрочем, постгутенберговская эпоха подразумевает поголовную неграмотность. В глянцевах журналах всё больше фотографий и всё меньше текста, а упор делается на рекламу в картинках. От алфавита мир возвращается к идеограммам? От романов – к комиксам? Искусство, вырождаясь в масскульт, подстраивается под «клиповое» мышление – младенческий поток бессознательных образов. Непритязательное, оно отвечает вкусам поколения «аудиовизуальной культуры» – эфемизм абсолютного бескультурья.

Современное мифотворчество рисует настоящее как венец человеческой истории, тысячелетних устремлений homo sapiens. Новостные ленты забиты сплетнями о «звездах», рекламные заставки нещадно эксплуатируют сексуальное чувство, а цветные сериалы с чёрно-белым сюжетом, где добро с кулаками побеждает карикатурное зло, убаюкивают, словно колыбельная, убеждая в правильности выбранного пути и вселенском торжестве «мягких» ценностей. «Каждому – по потребностям!»

– сулил коммунизм, и его строители ломали голову, как этого добиться. Консумизм решил задачу. Он удовлетворил запросы, понизив уровень. Плотское, материалистическое – об остальном словно забыли. В одном советском кинофильме фашистский врач, проводящий опыты с психохимическим оружием, уверял, что человек, подвергнувшийся газовой обработке, будет счастлив. Он будет радоваться, что яблоко – красное, трава – зелёная, а дважды два – четыре. А за хорошую работу – и это верх экономии! – получит на ночь женщину.

Может, учёный добился своего? Может, его газ распылили?

Утрачивая интерес к тварному миру, мы попадаем в мир вещей, искусственный, синтезированный мир электронных СМИ. Мы ищем защиту, спасение, убежище. Мы хотим, как в детстве, попасть под крыло, – в маленький, уютный мирок с выверенным, как часы, распорядком и тапочками в углу. От окружающей пустоты мы бежим к экрану, но с каждой развлекательной передачей погружаемся в неё ещё глубже. Потому что пустота – внутри, разъедая, она требует новой дозы, превращая в крысу, которая в погоне за удовольствием стимулирует вживлённые в мозг электроды, пока не умрёт.

Уходя от других в себя, а от себя – в других, мы проживаем, словно в кредит. А расплатой служит глубокий невроз. Отгораживаясь, мы запираемся на все засовы, но железную дверь, вместе с квартирой, ставят на сердце. Одинокие в атомизированном обществе, мы доверяем только банковскому счёту и, как моряки за погодой, следим за биржевыми прогнозами. Скидки, сезонные распродажи, предложения, перед которыми невозможно устоять, пробуждают в нас охотничий азарт, прививая ценовую зависимость, которая превращается в манию. В России большое общество? Но общество потребления и не может быть здоровым! За лакированным фасадом кроется отчуждение, за уличным оживлением – бесцельная маета, а сотни каналов транслируют скуку. Разговоры напоминают пересказ кулинарного справочника и рекламного путеводителя. Надкусив гамбургер, смотрят в рот. Процветает искусство манипуляции. При игре в «кто кого потребит» опыт приходит с опустошённостью.

Остаётся быстрее преуспеть?

ДУХ ВРЕМЕНИ

Древнеримский историк писал о современном ему императоре: «Он открыто занимался такими делами, каких стыдился бы и частный человек, он скупал вещи только затем, чтобы потом распродать их с выгодой». Через две тысячи лет биржевая мораль стала нормой. В наш век либерального хаоса, когда графа «национальность» изъята из паспорта, а интеллигенция уничтожена заменившими её менеджерами, различие между субъектами сводится к банковскому счёту. Стирание всех граней, кроме экономической, привело к тому, что главным слоганом нашего времени стало: «Гражданином можешь ты не быть, но потребителем обязан!» Но если в сообществе нет официально принятого деления, то на первый план выходит неформальное, скрытое, формирующееся за счёт сексуальных, этнических и родственных связей. Группки и группировки, тусовки и междусобойчики, корпоративные сообщества и «творческие» союзы, как твёрдые густки, плавающие в жидком демократическом

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
общества, подменили классы и сословия, попадание в них не прописано в конституции и осуществляется с чёрного хода. Тайные пружины демократической иерархии можно нащупывать всю жизнь, но каждый обитатель демократических джунглей чувствует, что «все животные равны, однако некоторые равнее».

Двоемыслие – главный атрибут нашего времени.

Современная цензура под личиной «общественного мнения», отождествляемого со СМИ, выжигает инакомыслие гораздо эффективнее костров инквизиции и калёного железа тоталитаризма. Контроль над поступками сменила оккупация души, подавление самой способности мыслить самостоятельно. Тысячи телеканалов круглосуточно сеют информационную неразбериху, приводящую к абсолютной дезориентации, пряча истину откровенным забалтыванием и девальвацией слова. Телевизор превратился в мощнейшее средство манипуляции, превращения людей в послушное стадо. [3] Его задача – привить коллективную шизофрению, когда на чёрное указывают, как на белое, на добро – как на зло. А когда собственная воля сломлена, доверяют уже не своему разуму, а «телевизионному», как пациент – лечащему психиатру. Поэтому демократия никогда не сделает СМИ отвечающим народным чаяниям, она будет до конца травить нацию постоянными байками, сомнительными смехопанарамами, пошловатыми шоу.

Психологию нашего времени отражает императив: «После нас хоть потоп!» Молодые люди из русского кольчугина сжигают посреди города на Вечном огне прохожего, который посоветовал им не осквернять мемориал распитием спиртных напитков и непотребным поведением. Нет, они не уроды. Просто материализуют, как могут, ту единственную «национальную идею», которая теперь объединяет всех – бедных и богатых, победителей и неудачников, жителей столицы и провинциалов: «Не думайте ни о чём и развлекайтесь!» Если позволяют средства, развлекаются в ночных клубах, а если нет – ищут острых ощущений на улице.

«Мещанин» и «карьерист», несущие отрицательную нагрузку в языке XIX и XX веков, исчезли из современного лексикона. Эти качества считаются теперь естественными, желание «иметь» как можно больше и «подняться» как можно выше стало базовым. Нас убеждают, что так было везде и всегда, но это – ложь. Достаточно вспомнить хрестоматийные образы у Грибоедова и Чехова, сатиру Островского, не говоря уж о традиционалистском Китае, консервативной Японии, христианско-аристократической Европе и исламском мире. То, что «толстосум» из нарекания превратился в объект поклонения – мировоззренческая победа демократии. И бесконечный прокат голливудской фабрики кошмаров, и сотворение «звёздных» кумиров из малопристойных фигур, и индустрия глянцевого сплетен, – это всё отражение торжествующего мещанства и вкусов «среднего» класса. Мещанство агрессивно, серость воинственна, и демократия бомбами навязывает свой образ жизни – во имя него убивают в Ираке, Афганистане и Сербии.

Творец сегодня отходит на второй план, прячется в тени посредника. Визажисты, стилисты и дизайнеры затмили архитекторов, живописцев презрительно зовут «картинщиками», писателей заменили «скрипторы», публицистов – спичрайтеры. Как плесень на загнивших продуктах, процветают рекламные агенты – лоцманы в океане продаж, и имиджмейкеры, лакирующие действительность, гримирующие хищный оскал элиты. Создаётся устойчивое впечатление, что хлеб выращивают переключением бумажек, нефть добывают переводом с банковских счетов, а турбины вращаются денежными потоками. Речь о приносимой пользе, об общественном благе, о духовной ценности того или иного проекта больше не идёт – прибыль оправдывает всё, сумма заработка застит глаза. Важность банкира в массовом сознании гораздо выше, чем научного сотрудника, значимость владельца ресторанной сети превосходит общественный вес врача «Скорой помощи». Но можно ли верить, что получивший миллиард настолько же ослепителен человечество? Изъян корениться в самой системе, но общественное внимание с социальных вопросов переключено на футбол, мнение экспертов ограничено теперь критикой высокой моды.

Обеспеченный и совершенно трезвый человек, законопослушный собственник хладнокровно и сосредоточенно лупит из пневматического пистолета по открытым дверям питерской машины «Скорой помощи» – только за то, что она, в ожидании носилок с тяжелобольным человеком, остановилась на том куске асфальта, где он привык парковаться. Ему же сказали, что частная собственность священна и неприкосновенна, а благосостояние отдельного человека – это основа благосостояния всей страны. Это не болезнь роста, не трудности переходного периода. «Война всех против всех» – это верный

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
признак «стабильного» общества с устоявшейся общественно-политической системой. Общество, лозунгом которого номинально является «стабильность», разбалансировано в своих духовных основах до предельного состояния.

Современное мировоззрение избегает «проклятых» вопросов, старательно обходя пункты бытийного осмысления. У искусства сегодня остаётся одна функция – развлекательная, оно больше не затрагивает проблем жизни и смерти, не поднимает темы одиночества, страдания и бессмысленности существования. Во всём сквозит молодцеватая подтянутость, а розовощёкий американский оптимизм принят за мировоззренческий камертон. Чтобы убедиться в произошедшей деградации, достаточно сравнить культовое кино 50–80-х с современными блокбастерами: феллини – с властелинами колец, Бергмана – с Гарри Поттерами, Тарковского – с квестами тарантино. Экран переселяет в царство экстравертированных подростков: драма в её классическом понимании умерла, трагедия выродилась в триллер, а комедия всё больше сводится к шутовскому кривлянию и низкопробным шуткам. Искусство в кино больше не подразумевает актёрскую игру, отточенную драматургию и режиссёрский талант, оно свелось к спецэффектам, ломающим границу между реальностью и фэнтези, позволяющим сбегать от бытийных проблем в узкий экран телевизора. Фильмы точно соревнуются, чьё психотронное воздействие на зрителя окажется сильнее, а сумма использованных в них приёмов сводится, так или иначе, к пресловутому «двадцать пятому кадру». Но ангажированные критики и прикормленные искусствоведами расточают дифирамбы эстетике кича, воспевая бездарностей. При этом возникает и обратная связь – удовлетворять вкусы невзыскательной публики одарённости не требуется, и в игру вступают иные таланты. А при работе локтями, когда не стесняются в выборе средств, побеждает сильнейший в этой борьбе, но отнюдь не достойнейший. Впрочем, они и не нужны, проблему выбора за лишённого собственного мнения обывателя благополучно решает реклама, внушая ему непоколебимую уверенность в правильности его образа жизни. И наш современник посматривая сверху на «тёмные» века, убеждён, что превзошёл их не только в техническом плане, но и в личностном, что он выше тех, кто создал Возрождение и кто сотворил «греческое чудо». Эпоха Интернета, «мобильных» и свободного телевидения имеет изнанкой духовное обнищание, технический прогресс не гарантирует от нравственного разложения, не защищает от духовного регресса. Край непуганых идиотов, как диссиденты называли СССР, превратился в страну воинственных недоучек и оболваненных трудооголиков, так что популярный ныне лозунг «Нет – расизму!» актуальнее заменить на «Нет – дебилизму!».

Трагедия заключается в том, что интеллектуальное оскудение происходит незаметно: из кипятка лягушка выпрыгнет, на медленном огне – сварится. Трудно вообразить поколение выигравших войну и запустивших в космос Гагарина с телевизионным пультом в руках скачущим по каналам в тщетной надежде избежать рекламных ловушек. Но эта спортивная охота, в которой ты – обречённая жертва, – обычное времяпрепровождение для миллионов наших современников. Поставленная на поток индустрия развлечений, иллюзия вседозволенности, которую подпитывает пропаганда, половая свобода, как эвфемизм распушенности, – такие же верные признаки духовной смерти, как трупные пятна. Однако фаза духовной обскурации вовсе не предполагает физическую смерть. Можно процветать в мире вещей и влачить жалкое существование в сопряжённом ему духовном мире. Эти пути даже противоречат друг другу – нельзя сладко есть, и попасть в Царство Небесное. А демократия в большей степени отвечает заложенным в нас биологическим программам, чем теократия и тоталитаризм, которых мы, возможно, недостойны. Колонии мух-дрозофил незачем обманываться относительно цели своего существования, достаточно питания и света, чтобы пробудить в ней необоримую волю к жизни. Возможно, теократия и тоталитаризм – это общественные мутации, отклонения от естественного хода вещей, от предписаний природы.

И потому они обречены.

Живший в эпоху римского упадка историк писал: «Людей образованных и серьёзных избегают как людей скучных и бесполезных. Даже те немногие дома, которые в прежние времена славилась серьёзным вниманием к наукам, теперь погружены в забавы позорной праздности, и в них раздаются песни и громкий звон струн. Вместо философа приглашают певца, а вместо ритора – мастера потешных дел. Библиотеки заперты навек, как гробницы, зато сооружаются водяные органы, огромные лиры величиной с телегу, флейты и всякие громоздкие орудия актёрского снаряжения».

Через десятилетия Рим рухнул.

ОБЩЕСТВО МОРАЛЬНЫХ ДАЛЬТОНИКОВ?

Кажется, вслед за нашими правителями мы перестали различать этические цвета, не отделяя чёрного от белого. Отвечая на вопрос, какими качествами должен обладать президент, один из американских отцов-основателей сказал: «Достаточно быть честным». А нас уверяют, что политика – грязное дело! Неужели у нас столько жертвенных ассенизаторов? В Швеции премьера могут убить возвращающимся из кинотеатра, у нас властители прячутся от народа за семью дверями. СМИ любят вспоминать о двойной морали советской партноменклатуры, но сегодняшнее российское общество на порядок лицемернее. Будто никто не замечает фарс выборов, неприличный пиар президента, дутые рейтинги партии, которую лучше назвать «Единственная в России». Продлевая сроки своего правления, элита увеличивает остальным сроки заключения. Нас топчут, а мы рукоплещем! Не в этом ли состоит загадка русской души? Может, нынешняя власть вслед за Грозным и Сталиным разгадала тайну российского сфинкса?

В СССР маяком служил декларируемый «моральный кодекс строителя коммунизма», сейчас народ брошен, ему не говорят, что такое хорошо и что такое плохо, он может лишь догадываться, каков должен быть моральный облик строителей демократического тоталитаризма, демонстрирующих в качестве наглядной агитации роскошные виллы и яхты. Межличностные отношения в современной России до неприличия упростились, они свелись к товарно-денежным, деньги встали между сыном и матерью, братом и сестрой. Сводя смысл бытия к потреблению, нас, как ворон на блестящее, приучают бросаться на модные платья, новые марки машин, последние модели электронной техники. И даже те, кому они не по карману, заражены общим ажиотажем! Наше общественное устройство, принципы, заложенные в его фундамент, закономерно приводят к атомизации, которая не имеет ничего общего ни со свободой, ни с индивидуализацией. В нашем отчуждённом обществе правит единственный императив: «Каждый за себя!» Ставя в пример американцев (забывая при этом величину их страховок!), нам внедряют мысль о том, что надо рассчитывать на свои силы, что это и есть признак взрослого, психологически состоявшегося человека.

Но тогда зачем нужно государство?

Русских всегда отличало хлебосольство. Но ходят ли сейчас в гости? Кухонного собеседника прочно заменил телевизор. Но зачем все технические удобства, если исчезает человечность? Если сосед выступает лишь как объект манипуляции, если он только средство? Времена не выбирают, а жизнь одна. Вот и выживают. Кто как может. Бедные – в очереди за куском хлеба, богатые – в очереди у психоаналитика. Ибо правила игры распространяются на всех. Как на зоне, охранники подчиняются тем же законам, что и зэки, разве что пайки у них пожирнее. Система заставляет быть адекватным, вписываться в регламент бесконечной гонки, находя удовлетворение в сомнительном превосходстве над соседом. В загрязнённой воде рыба мутирует, в отравленной российской атмосфере человек обречён сойти с ума или перестать быть человеком.

Когда-то было модно помимо работы иметь хобби. Сейчас это выглядит насмешкой, с языком на плече в подземке – вот хобби миллионов! И все бегут от бессмысленности, припадая к экрану с «красивой» жизнью! Таково наше настоящее, которого мы, видимо, достойны. А будущего у страны, где средняя мужская продолжительность жизни меньше пенсионного возраста, где власть лжёт, а миллионы её избирают, где воровство возведено в ранг закона, где пороки стали добродетелями, а добродетели осмеивают, где чиновничий и милицкий произвол стали нормой, а коррупция и вымогательство – нравственными ориентирами, у страны, где смещены моральные акценты, будущего быть не может.

Сто семьдесят лет назад один француз, завершая книгу о России, писал: «Путешествие в эти края будет полезно для каждого иностранца, каждый, кто имел возможность наблюдать эту страну, будет доволен жизнью в любой другой; всегда полезно помнить, что есть это сообщество, где вообще невозможно счастливое существование...»

ВЛАДИМИР ПУТИН – ТЕЛЕЗВЕЗДА

Демократия – это иллюзия народовластия. И главная задача демократически

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
избранных президентов сводится к поддержанию этой иллюзии. «Не жалею обещаний: они ведь ничего не стоят», – говорил ещё Овидий. И российская власть руководствуется его тезисом. «Путин сказал», «Медведев приказал», «премьер гарантировал» – сообщения, которыми пестрят наши новостные ленты. Путин говорил о диктатуре закона, но через 10 лет его правления мы видим лишь диктатуру коррупции и разгул чиновничьего произвола. Наши суды переполнены, они не справляются с потоком дел, а наказание без преступления стало в них преступлением без наказания. На второй срок Путин шёл под флагом борьбы с бедностью, а через четыре года её победила нищета. Путин говорит то, что от него хотят услышать. Какие предпринимаются шаги по улучшению нашего положения? Какие предлагаются законы, реформы, программы? Да никаких! У народа короткая память, а телевизор помогает ему забыть, что было вчера. Кто, к примеру, помнит, что Путин обещал даже бесплатное искусственное оплодотворение? Он сказал – и забыл!

Да и зачем что-то делать, если достаточно одних слов?

Управление Россией свелось сегодня к управлению избирателями: армию политехнологов содержать легче, чем поднимать страну. Средняя продолжительность жизни у мужчин меньше пенсионного возраста, мы держим первое место по детскому суициду и одно из последних по безопасности жизни, но по телевизору говорят, что всё хорошо, и ему верят больше, чем собственным глазам.

Антисоветская пропаганда, на которую затрачены огромные средства, привила у нищего населения ненависть к «уравниловке». С миллиардерами? «Живая реклама» у метро: пожилая женщина, как бутерброд, стиснутая рекламным щитом.

– Сменить бы их, – тычу я в глянцево-обложки, на которых улыбаются правительственные чиновники.

– Так не уйдут...

– Тогда революция?

– Только не революция!

Абсурд! Нищие, обобранные люди, которым нечего терять, боятся революции! Словно их заражают страхом те, кто может потерять всё.

«Уважение к частной собственности и свободная конкуренция – вот главные составляющие нашей национальной идеи», – уверяли нас ещё недавно. А в тяжёлые кризисные времена началась пропаганда «духовности»! Может, под ней подразумевают покорность нищете? Воистину, как говорил Мао, народ – чистый лист бумаги, на котором можно писать любой иероглиф.

Агрессивная телепропаганда действует на подсознание, и разум здесь бессилён. Ассоциации, параллели, метафоры искусственно складываются в нужный образ, который со временем обретает устойчивость. Так происходит зомбирование. Частое повторение слогана прививает своего рода условный рефлекс, радость от узнавания привычной фразы. «Стабильность и Возрождение», – гипнотизируют дикторы, и во рту становится сладко. 54 % населения считают своё материальное положение тяжёлым, но сносным, а 24 % заявили, что терпеть такую жизнь невозможно. 30 % опрошенных не уверены, что в связи с кризисом их не ждёт голод. С 1992 по 2000 годы население страны сократилось на 2 миллиона человек, а с 2000 по 2006 – на 3,5 миллиона. Налицо стабильность вырождения, и все программы по повышению рождаемости не останавливают вымирание России. Передачи, посвящённые «демографическому росту», – художественный вымысел, а «нацпроекты» – очередное очковитительство, лазейка для тех, кто мечтает «распилить» бюджетные деньги. Тем не менее, большая часть обывателей верит, что вырождающаяся Россия, которая на глазах исчезает, догоняет по численности населения Индию и Китай.

Телевизор сплотил русский народ, как клейкая лента – мух. То, что считается «новостями», создаётся либо кремлёвскими пропагандистами, либо PR-агентствами в интересах корпоративных клиентов. Зритель и не задумывается, почему ему показывают именно этот репортаж, а не другой. А в итоге – формируется нужная установка.

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
Люди оказываются беззащитны перед такими технологиями, как, например, «life placement» («размещение в жизни»): постановка скрытых спектаклей. В отличие от прямой рекламы, вызывающей хоть какое-то сопротивление, такие методы заставляют совершать нужные поступки. К примеру, бритоголовые парни со свастикой на лбу громко обсуждают в метро, как пойдут на митинг за отставку Медведева. Случайно увидев это, вы вряд ли туда пойдёте.

Советская пропаганда, которую сегодня рисуют в чёрных красках, находилась в зачаточном состоянии, зато манипулятивные технологии, которые мы переняли у Запада, воздействуют на сам образ мышления. Достаточно вспомнить наши президентские выборы.

Путин – политик класса «масс-маркет», а тот, кто нравится всем – не имеет лица. Он умудрился просидеть в Кремле 10 лет, так и не высказав своей позиции ни в экономике, ни в политике, ни в общественной жизни. «Кто вы, мистер Путин?» – вопрос, до сих пор не потерявший актуальности. Он выглядит немножко коммунистом, чуть-чуть монархистом и слегка демократом. Но российская власть, как некрасивая женщина, у которой перемена нарядов только подчёркивает изъяны.

«План Путина» («программа превращения России в великую, современную и богатую державу») – классический пример пропаганды, полной абстрактных лозунгов и призывов. Рассмотрение итогов путинского плана отложили до 2020, но его результаты проглядываются уже сейчас. Наши больницы – дорога на тот свет, школы – пункты наркоторговли, во власти – одни и те же, нестарющиеся лица, провинция спивается или батрачит в Москве. Ничего не менялось даже при сверхвысоких ценах на нефть! Путинская теодицея – исправление ошибок 90-х. Но кто найдёт 10 отличий политики Ельцина и Путина?

В пиар-технологиях есть термин «perception management» – управление восприятием: изменение отношения к политику и восприятие его деятельности абсолютно не связаны с истинным положением вещей. Ещё недавно «преемник» вспоминал страшные советские времена, когда он мечтал о жевательной резинке (эти слова растиражированы всеми СМИ). И вдруг перед нами уже не мальчик Дима в джинсах, а грозный государственный муж. Ребрендинг Медведева под Путина, как и «независимые» прогнозы о лёгкой победе на выборах, были частью его предвыборной программы. Имидж Путина выстроен из народных чаяний, именно таким хотят видеть русские своего президента. А сколько таких путинских могут настрогать кремлёвские имиджмейкеры? Путина можно сделать не только из Медведева, но и из Явлинского, Ходорковского или автора этой статьи. С точки зрения пиара, «Владимир Путин» – такой же бренд, как «Тампакс» или «Домик в деревне». «Владимир Путин» может быть бессменным правителем России лет 500. Достаточно вовремя менять одного путина на другого. А если по закону испорченного телефона через столетие Путин превратится в чернокожую женщину, никто и не заметит. Память телезрителя короче девичьей, а дальше виртуальных президентские обязанности не распространяются.

Популярность Путина поддерживается искусственно: общественные группы, «лояльные» деятели, проведение «независимых» исследований – всё это заложено в российский бюджет. «У нас сильная власть», – внушают нам. Чепуха! У нас только один цементирующий фактор – кремлёвский информационный тоталитаризм. Если «выключить кнопку» – власть Кремля закончится на следующий день.

Мы живём в пиар-цивилизации, где нет места правде. Независимое мнение означает сегодня лишь выбор из услужливо предлагаемых рецептов пропагандистов. Любая претендующая на «объективность» позиция, так или иначе, складывается под влиянием фактов, искусственно подобранных, интерпретирующих события в нужном ключе, в выгодном властям русле. Политический пиар изменяет наше восприятие и создаёт новую реальность, виртуальную Россию, которой нет на карте.

СЛЕДСТВИЕ НЕ НАЧАТО: ЗАБУДЬТЕ

Современная Россия, что зона: во власти – паханы, при власти – вертухаи, а народ... В советское время выселяли за сотый километр. Сегодня за него, похоже, выселили всю страну. Мерцают огнями «запрещённые» залы игровых автоматов. На газетном лотке – попури из глянцевого сплетен и криминальной хроники. В подъездах разбросаны шприцы. На клумбах бомжей, как голубей. А пропавших без вести – как в военное время.

Парк Сокольники. Час дня. Прогулка едва не стала последней, когда чьи-то руки сомкнулись на шее. Минуту назад по аллее шли люди, но сейчас – ни души. Мужчина тащит меня в лес. Я освобождаюсь от удушающей хватки, мы боремся. Повалив на землю, он бьёт меня ногами в грудь. Чудом мне удаётся вырваться.

Один из прохожих вызывает милицию.

– Идите в отделение! – после долгих гудков советует диспетчер.

– А сообщить постам на входах?

Вешается трубка.

Отделение – на территории парка. За высоким забором – охранная будка, пара милицмейских машин. Парень в штатском через прутья ограды объясняет, что отделение на стадии расформирования.

– А конная милиция? – вспоминаю я всадников в форме, от которых прячутся по кустам собачники.

– К нам не относится.

– Вызовете наряд?

Он удаляется. Вернувшись, пожимает плечами:

– Машин нет.

И отсылает в районное отделение.

– Ну, хоть охрану предупредите! Посты у метро, на железнодорожной станции...

Разводит руками.

В московских парках убийцы и насильники не редкость, несколько лет назад в Сокольниках, ради дешёвого мобильника, зверски зарезали 17-летнюю девушку. Но на лице милиционера написано: «Отстань!» Двое ребят в форме, прогулочным шагом, всё же направились к месту происшествия.

– Никого, – возвращаются они, укоризненно улыбаясь.

А кого они рассчитывали там увидеть?! Душителя, пишущего чистосердечное признание?

Сокольническое отделение милиции за глухим забором. Автоматчики, собаки. Народ боится милиции, милиция – народа. Выходит опер, измождённый парень с синевой под глазами. У него очередь из обворованных, ограбленных, обведённых вокруг пальца. Предлагает прийти через пару часов.

– Вы не хотите пока наряд вызвать? Может, удастся задержать?

– У меня работы – во! – проводит ребром ладони по горлу.

В конце концов, у меня берут показания. Происшедшее классифицируют как грабёж. «Потому что унёс сумку». Объясняю, что меня едва не задушили, хотя сумку я отбросила в первое же мгновение. Глас вопиющего в отделении! «А что же тогда покушение на убийство? Семь ножевых ран?» Пытаюсь быть ироничной. Но в ответ кивают! С точки зрения милиции, всё равно: будет ли преступление раскрыто или его не заметят. А чтобы не портить статистику, статус преступления изначально принижают.

– Что же вы одна в парке гуляете? – качает головой опер. – Вы оперативными сводками не располагаете, вот моя жена одна никуда не выходит!

– А почему не располагаю?

– Ну, доводить до населения влетит в копеечку!

– А рекламировать «Единую Россию»?

Смеётся. Хороший парень, понимающий. Поодиночке они вообще все славные, но вот Система...

Через несколько часов едем на место происшествия, ждём экспертов.

– Работы невпроворот, жена сутками не видит. А зарплата – 30 000. За эти деньги я могу охранником или вышибалой.

– Значит, грядущих сокращений не боитесь?

– А куда сокращать, если и так не справляемся?

Раздаётся звонок: эксперты уже сделали снимки.

«Где?!» – кричит опер. Оказалось, осмотрели первое попавшееся место. А какая разница?

Возвращаемся в отделение. Мне показывают фотографии. Гастарбайтеры, женщины, бомжи... «Он славянин, хорошо одетый, холёный», – в который раз повторяю я. «У нас и такие есть». И мне показывают ещё сотню одноглазых, беззубых, с лицами, испещрёнными шрамами. И снова бумажная волокита: объяснения-пояснения.

На составление фоторобота отводится десяток минут, за компьютером – парнишка лет двадцати. Опытный физиогномист?

Выбираем глаза.

– Но здесь только женские.

– Всякие, – косится на часы. И продолжает показывать женские глаза.

Пытаюсь сосредоточиться:

– Не спешите, пожалуйста.

– Да-да, – щёлкает мышью парень – и опять мелькают носы и губы.

Фоторобот готов.

– Похож? – зеваает он.

– Нет, не похож.

– Ну, хоть процентов на 70?

Понимаю, цифра нужна для отчёта. Ну, пусть на семьдесят, как оценить на сколько? В таких условиях и собственный портрет не составишь.

Прошу кое-что подправить.

– Уже сохранил! – кривит он губы, надеясь на мою компьютерную безграмотность. И фоторобот остаётся как есть. Зато бумаги заполняются со школярской скрупулёзностью.

– Вы хоть кого-нибудь поймали по такому фотороботу? – спрашиваю сопровождающего.

Он опускает глаза.

– У меня знакомый – одно лицо с душителем, только причёска другая. Привезти фото?

Отмахивается, как от чумы.

Едем в больницу засвидетельствовать побои. Осмотр врача – пара секунд. Не иначе, человек-рентген, глаз – шило! И опять бумаги, бумаги... Кажется, врача и милиционера можно поменять местами – какая разница, кому писать.

«В советские времена мы ночью в парке гуляли, – вздыхает медсестра. – А

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
теперь и середь бела дня душат...»

Ничего, главное, чтобы не душили свободу!

Из окна доносится песня про Чикатило. На афише – фильм о серийном убийце. По телевизору – криминальные передачи. В газетах – интервью с маньяками, их генеалогия до четвёртого колена. Герои нашего времени! Сколькие, вдохновившись их славой, взялись за нож?

День второй. Прихожу за справкой для восстановления паспорта. Дежурный не даёт:

– Была не моя смена, приходите через три дня.

– А это время, что – без документов?

«Уходи!» – читаю на раздражённом лице. А на стене под портретом премьера симпатическими чернилами: «Всегда говори „Нет!“» Отправляюсь по инстанциям, и, в конце концов, попадаю к следователю. «Что ни делается – к лучшему», – улыбается он. Чтобы вести расследование, меня обязаны были допросить ещё вчера!

И снова бумаги. Задуши меня, на гроб ушло бы меньше древесины!

Следователь приглашает коллег, хором убеждают, что избиение и попытка задушить – это грабёж. Железный аргумент: «Но ведь он унёс сумку!» Хорошо, что я её бросила. Иначе бы ему «шили» фривольную попытку знакомства. Хотя и тут все козыри были бы не у меня – это в Штатах, чуть что – сексуальное домогательство, а у нас – подумаешь, весёлые игрища на Ивана Купалу...

– Мы судим по результату.

А судить по результату милицию – схлопотать пятнадцать суток за «неуважение»!

Кто-то предлагает самой сходить в прокуратуру, требуя расследования.

– А что вы, собственно, хотите? – удивляется молодая следовательница.

– Чтобы этот человек никого не задушил.

Хихикает в кулак.

Милицейские сотрудники, как на подбор, молодые. От двадцати. Копеечная зарплата, рутинная работа, текучка кадров. «Здесь не задерживаются», – признаётся один. И с кого только пишутся герои ментовских саг? А в моём сериале продолжение следует: следствие замораживается – ждём указаний прокуратуры, по какой статье его возбуждать.

А в двух шагах площадь трёх вокзалов, где можно купить наркотики, оружие и обкуренную малолетку. Здесь лица стражей порядка и его нарушителей едва ли отличаются. И у Преображенского рынка кипит «нелегальная» торговля: нищие старики приносят тряпье и посуду. И раз в полчаса – «облава». Зачем нужна такая милиция? Гонять старух? «Доить» гастарбайтеров? Разгонять митинги? Неудивительно, что «ментов» боятся, как уголовников! Это раньше было: «Моя милиция меня бережёт!» Теперь: «Моя полиция меня стережёт!» И зачем это переименование? Чтобы привести в соответствие с «полицейским государством»? Эта организация – вещь в себе и существует сама для себя. Нет такой ситуации, при которой помогут полицейские милиционеры! Сегодня безопасно только на Рублёвке. Остальная Россия – это милиция, которая не охраняет, школы, в которых не учат, и больницы, в которых не лечат.

А в утешение – церковь.

В законе есть формулировка – умышленное бездействие. Не под неё ли подпадает наша власть? Но на власть уголовный кодекс не распространяется!

Может, поэтому у нас и популярна уголовная хроника, в которую может попасть каждый?

ПРАВОСЛАВИЕ ТОЧКА РУ

«То, что выставлено на продажу, становится грязным».
(африканская поговорка)

Перед Богом все равны. Но некоторые равнее. «небо для богатых!» – вещают сегодня с амвона и, призывая к смирению, уверяют, что любая власть от Бога.

Даже власть денег?

Иерархи призывают думать о душе. Но свою закладывают сто раз на дню, сколачивая многомиллиардное состояние. Во славу Божью и рейдерство, и торговля табаком, и счета в иностранных банках! С иезуитским лицемерием олигархи в рясах называют критику в свой адрес – богоборчеством. Сожгите на костре каждого, кто заикнется о часах патриарха стоимостью в 100 зарплат провинциального учителя!

По данным Gallup Россия входит в десятку самых голодных стран, каждый пятый у нас не имеет хлеба насущного. Но трапезу иерархов не назовешь скудной даже во время Великого поста. Осанна правящей власти! Колокольный звон заглушает урчание в животах паствы!

Скажи, кто твой враг – и я скажу, кто ты. Церковь считает идею социального равенства опаснее наркомании, страшнее нищеты, официально объявляя её сатанинской завистью. Она покровительствует нашему «бизнесу», сводящемуся к торговле сырьевыми ресурсами, заигрывает с другими религиями, зато с яростью, достойной лучшего приложения, обрушивается на «безбожный» Советский Союз. Но, похоже, Империей зла мы стали только сейчас. Наши современники озлоблены, ненависть висит в воздухе, а убийство за царапину на машине стало повседневностью. Новостные сводки заставляют сгорать от стыда за свой народ. А нам говорят о духовности и покрове Богородицы! Теперь границы России открыты, зато миллионы железных занавесов опустились между её гражданами, и тотальная «храмизация» страны ни на каплю не добавляет любви к ближнему.

Если Бог есть любовь, может, безбожной Россия стала в 1991-м?

В XV веке кардинал д'Эли писал: «Русские в такой степени сблизили своё христианство с язычеством, что трудно сказать, что преобладает в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианство?» После Второго крещения Руси Православие слилось с идеологией вульгарного потребления, и подлинной религией стала Православная консумация. Перед шоппингом теперь ходят в церковь, за обедом в Макдональдсе – молятся, освященные машины паркуют на тротуарах. Одной рукой крестятся, второй хватают за глотку! Рассуждая о человеколюбии, переступают через лежащих на земле! Офисные сотрудники упиваются «духовностью», превращая веру в предмет гордости, как загородный дом или авто. Заменяв веру обрядоверием, они напоминают туриста в Иерусалиме: «Симочка, щёлкни меня на Голгофе!» Многие просят «духовных» советов: что выгодно купить-продать, куда вложить деньги. Чем же священники отличаются от бизнес-консультантов, а исповедь от коучинга? Один делец спрашивал батюшку: «Что Господь хотел сказать мне повышением доллара, на котором я погорел?» Другой, давая в рост, просил благословения. Мой знакомый, набожный юноша, советовался с духовником, может ли христианин требовать от должника сумму, в которой остро нуждается. «У нас при монастыре бригада: подвесим за ноздри, – практически заметил тот. – И процент мизерный, мы же православные».

В Храме Христа Спасителя проводятся рок-концерты и корпоративные вечеринки, в гостинице московской Патриархии девушки обслуживают иностранцев, как в «Национале». Ни у кого уже не вызывает улыбку сочетание «православный риелтор» или «брат процент по-божески». Никого не удивляет соседство церковных лавок с ларьками, где торгуют фильмами ужасов типа «Экзорцист».

И некому изгнать торгующих из храмов!

«Входите тесными вратами». «Но для богатых VIP-вход», – добавляют наши пастыри, покровительствуя «золотому» миллиону – птицам небесным, которые не сеют, не жнут. А имеют не меньше царя Соломона. Этот подход свойственен кальвинизму и крайним направлениям протестантизма.

Но причём здесь Православие?

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
И причём Пришедший к блудницам и мытарям?

Сегодня Церковь выступает как площадка «Business to Business», где священник берёт на себя роль посредника, так что братков девяностых сменили батеньки. В финансовых кругах выгоды от «воцерковления» хорошо известны: лоббирование решений госорганов, защита от злоупотреблений силовых структур, коллекторские услуги, поиск инвестиций. Успех сделки часто определяется суммой «благотворительных взносов».

Многие священники и монахи – бывшие бандиты, наркоманы, тёмные дельцы. Раскаявшиеся? Распятые по правую руку? Какая-то часть, безусловно. Только какая? Ссылаясь на нехватку кадров, сегодня рукополагают не окончивших семинарию, не всегда читавших Библию. Имея смутное представление о духовном и ясное – о земном, такие вносят в учение Христа свою жизненную философию. И, не подозревая, что католики и лютеране тоже христиане, яростно обличают «иноверцев».

Как они отличаются от «первых христиан» 80-х!

Монахов воображение рисует проводящими дни в молитве. Но эта картина обманчива. Уход от мира сегодня зачастую условен: самые безобидные увлечения братии – вино, бильярд и компьютерные игры. Богословские беседы ограничиваются монастырскими сплетнями, а наместника монахи боятся больше Христа. Как и зоны, женские монастыри отличаются большей жестокостью. Невесты Христовы, вымещая злобу за несложившуюся жизнь, таскают друг друга за волосы, впадают в истерики. Нередко монахини расстригаются, не выдержав интриг, которым позавидовали бы светские женщины. В приютах дети с утра до ночи батрачат на монастырь, злобясь от чёрной работы. Они не получают ни духовного, ни мирского образования, превращаясь в монастырских крепостных. Нередки случаи, когда их не отдавали на усыновление. Длинные очереди, выстроившиеся у стен монастырей ко всякого рода чудотворцам, тоже не прибавляют монастырям святости. На моих глазах паломницы едва не разорвали старца, его охрана, напоминавшая секьюрити «звёзд», едва справилась с обезумевшими женщинами. Но они же брезгливо отворачиваются от бомжей, а милостыню дают, будто спасают мир.

Все атеисты не верят одинаково, каждый верующий верит по-своему. «Кровь Христову пью, плотью закусываю!» – искренне говорил мне набожный алкоголик. Каждый лепит Бога по своему образу и подобию, выбирая из проповедей, интерпретаций, житий, советов батюшек то, что подходит к его жизни, прилаживая веру под себя. И считает своё Православие самым православным! Ничто сегодня не рождает столько злословия, осуждения, гордыни, ничто не разделяет так глубоко, как религия. Если бы не умиротворяющий сон вульгарного потребления и мягких ценностей, в России бы вспыхнули религиозные войны.

Казалось, Православие станет национальным стержнем для России, которую после развала СССР швыряет, как лодку в бурю. Казалось, христианские ценности сменят постхристианские западные ориентиры, а русская культура станет альтернативой масскульту. Надежда умирает последней. И всё же умирает. В девяностые Россия встала на колени, а в «нулевые» – расшибла в поклонах лоб. «Свобода, равенство, братство!» сменилось на «Кайся! Кайся! Кайся!». Церковь требует покаяния за то, что прадеды устали быть холопами, за выигранную войну, за царственного мученика, которого современники звали Кровавым. Зато сквозь пальцы смотрит, что паства живёт по заповедям «Загрызи ближнего своего!» и «Возлюби деньги как самого себя!».

Храмы выросли, как грибы после дождя. Их купола сверкают на фоне заколоченных школ, закрытых больниц, разворованных заводов. От блеска церковного золота можно ослепнуть, но нет Бога в храмах, построенных на песке!

Экраны заполонили фильмы а la russe: медовуха, медведи, балалайка. Россия глазами иностранцев стала Россией глазами русских, а актёры, игравшие бандитов и проституток, теперь исполняют роли попов и молитвенниц. Как между Сциллой и Харибдой, мы оказались между либеральной пошлостью и лубочной серостью.

Не ставят ли тысячи крестов над возрождёнными церквями крест на России?

РОССИЯ ВО ЗЛЕ

Может, и права бывший госсекретарь США, заявив, что несправедливо, когда уникальная по природным ресурсам Сибирь принадлежит одной стране? Впрочем, население России быстро сокращается, так что историческая ошибка исправится естественным путём. После того, как Россия отрезала «среднеазиатское подбрюшье», под боком у неё оказались демографические акселераты Иран и Турция, не говоря уж о Китае. Работать русских уже не заставит, но через одно-два поколения на наши земли придут трудолюбивые соседи, готовые батрачить за гроши, и это уже сегодня предвидит мировой капитал, стремясь застолбить пустующие территории. А кто будет жалеть о нашем исчезновении? Запад? Восток? Мы сами?

Сегодняшняя Россия напоминает старую, выброшенную лыжу, на которой светящейся краской старательно выводят: «Лидер!» Прозападно-либеральную идеологию ельцинской поры сменила ура-патриотическая, власть, будто некрасивая женщина, меняет наряды, которым, однако, не скрыть изъянов. Застой, ни в какое сравнение не идущий с брежневским, повсеместная семейственность – «династийность» в кинематографе, театре, шоу-бизнесе, сложившиеся кастовые, замкнуто-цеховые отношения отмечают наш регресс к феодализму.

При этом убожество «элиты» поражает не меньше долготерпения народа. Уже несколько лет СМИ переполняют репортажи о наших «достижениях», телевидение заполняют лубочные сериалы а la russe. Ловко подменяя понятия, нас призывают любить Отечество, отождествляя его с режимом. Но как можно любить государство, которое тебя презирает? Для этого надо быть покорным христианином, может, поэтому и процветает обласканное властью православие? Как можно соблюдать законы, видя открытую коррупцию, наблюдая, как покупаются виллы, стоимость квадратного метра которых превосходит накопления за жизнь? Как можно оставаться честным, когда в судах наказание без преступления стало преступлением без наказания?

В СССР только декларировалось равенство, там пытались построить бесклассовое общество, нивелируя зарплату, но лишь в современной России рубль всех уравнивал. Вот он главный закон, перед которым, как перед Богом, все равны! Достаточно взглянуть на не обезображенные интеллектом лица наших олигархов, чтобы убедиться в этом. Гений в наши дни не представляет коммерческой ценности, зато процветают те, кто не понимает отношений чуть глубже и сложнее денежных. В Москве закрыли заводы. Чтобы открыть казино, как в индейской резервации. Что же это за общественное устройство, когда казино рентабельно, а завод нет? И почему рентабельность ставится во главу угла? Ведь и старики приносят одни убытки... Примат экономической выгоды над общественной пользой граничит с утратой здравого смысла, инстинкта коллективного выживания, приводя к быстрому самоуничтожению.

С крушением традиционных общинных ценностей страна оказалась в духовном тупике. В Рунете можно легко купить героин, заказать любой документ, у каждого – своя цена. Тогда зачем нужны законы? Может, стоит отбросить лицемерие и отменить право, которое у нас всё равно кулачное? По крайней мере, тогда исчезнет паразитический слой юристов, чиновников, судей, пронырливых «консультантов», заполнивших мутные воды российской государственности. В стране, где никакие заслуги перед обществом не гарантируют старость, где сознательно углубляется разрыв поколений – молодёжь презирает стариков, а старики поражаются ограниченностью молодёжи, – где каждому только до себя, а ближний может вызвать лишь зависть, в такой стране жить невозможно. В её удушливой атмосфере можно лишь выживать. Недаром Россия занимает третье место в мире после Ирака и Сомали по количеству желающих выехать из страны. Куда угодно! И это при том, что уровень жизни у нас всё ещё выше, чем в Африке, Латинской Америке или Индии. Дело в тяжёлом психологическом климате, который ощущает каждый, в абсолютном несоответствии устоев построенного общества представлениям об элементарной справедливости. Должна быть выведена новая порода людей, воспитанная на потреблении, не брезгающая ничем ради денег, подогнанная под мораль дикого капитализма. Они должны быть примитивнее, жёстче, черствее. Но это будет уже другой народ с другой усреднённо-низкой космополитической культурой. Пока же принципы (если такие вообще есть), заложенные в общественный фундамент, идут в разрез с формировавшимся веками историческим мировоззрением, они противоречат усвоенному генетически. А когда поражены духовные основы, не излечит никакая экономика. И богач может быть болен психически – страдания не зависят от толщины кошелька.

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
Управление в СССР, где апеллировали к сознательности масс, методологически было неверно ориентировано. Точно предвидя крушение СССР, живший две с половиной тысячи лет назад китаец писал: «Если управлять людьми как добродетельными, то неизбежна смута, и страна погибнет». Вероятно, современная власть, учитывая ошибки прежней, решила сделать акцент на второй части его тезиса: «А если управлять людьми как порочными, то всегда утверждается образцовый порядок и страна достигает могущества». Но крен в противоположную сторону принёс ещё более плачевный результат: Россия – страна перегибов, миропонимание в ней никогда ассоциировалось с меропониманием. И сегодня под вывеской либеральной свободы скрывается разномыслие, разброд и абсолютный хаос в этических представлениях. А между тем творцы китайского экономического чуда руководствовались другим: «Государство, добившееся сосредоточения всех усилий народа на едином хотя бы на один год, будет могущественно 10 лет; государство, добившееся сосредоточения всех усилий народа на едином на 10 лет, будет могущественно 100 лет; государство, добившееся сосредоточения всех усилий народа на едином на 100 лет, будет могущественно 1000 лет».

В Москве славян уже меньше половины, повсюду слышится разноплеменная речь, а русский, исковерканный американизмами, уже не кажется родным. Бозций, последний из римлян, вспоминая былое величие квиритов, в окружении торжествующих варваров утешался философией.

А что ещё остается обречённым наблюдать вырождение собственного народа?

РАЗ, ДВА – И ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ

Деление войн в прошлом столетии на Первую и Вторую Мировые, а также «холодную», на мой взгляд, отражает лишь видимые, горячие фазы одного процесса – борьбы англосаксонского мира за мировое господство. Это была титаническая борьба аристократического рыцарского духа Европы и возрождённой императорской Японии против английского прагматизма и его логического завершения – американского утилитаризма. И немецкое, и японское руководство грезил о возрождении феодальных духовных традиций, воспевали жертвенность и верность долгу. В своих построениях будущего, для того чтобы крепко стоять на ногах, они опирались на традиции, англо-американцы же схватились за будущее, положив в основу своего развития ориентацию на современников и сегодняшний день. В этом фундаментальное отличие гитлеровского национал-социализма и сталинского коммунизма (интернационального в той же степени, как Российская империя, и по сути решавшего те же внешнеполитические задачи) от западных плутократий. Это была схватка Марса и Меркурия, слепок с Пунических войн – арийского, национально ориентированного республиканского Рима и торгового семитского Карфагена (а русские послужили наёмниками не хуже галлов и нумидийцев). В той или иной форме сражения продолжались всё XX столетие: начавшись в 1914-м, закончились в 1991-м полной победой англоговорящих. Высоким моральным духом объясняются первоначальные успехи стран оси, которые в промышленном и людском потенциале уступали Антанте в два-три раза. В тридцатых эти страны буквально кипели пассионарностью. Их трагедия заключалась в том, что и в СССР она была избыточной. В совокупности с подавляющим превосходством в ресурсах это и решило исход борьбы. Удалённые от основных театров военных действий континентальное и островное государства одержали победу малой кровью. Кровь их граждан – это капля в реках чужой! И всё для того, чтобы, сосредоточив в руках мировую власть, насаждать идею вульгарного потребления? Неужели это венец истории? Неужели ради него принесены миллионные жертвы?

После горячей фазы, окончившейся в 1945-м, Россию добила по инерции в «холодной» войне. Несмотря на воодушевление главного вершителя победы, спустя два поколения тотальное превосходство в материальнотехнических ресурсах сыграло свою роль. Шестая часть света – это всего лишь шестая его часть. Вызывает удивление не то, что СССР рухнул, а что продержался так долго. И расправляются с нами по накатанной схеме. Политика десоветизации – это калька программы денацификации, проводимой американцами в Германии. (Ещё при Аденаузере закрытые опросы показывали, что немцы считают Гитлера величайшим политиком – и это после сокрушительного разгрома!) Цель пропагандистского очернения – вытравить из народной памяти очевидные достижения того периода, расставив акцент на негативных сторонах, затушевать, замазать то, что является предметом гордости (а значит, может сплотить население в нацию). Пересмотр кабального Версальского договора (контрибуции по которому немцы должны были закончить лишь к 1980 году, его

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
требования, впрочем, сменили выплаты за холокост), объединение немецких земель, отданных Чехии и Польше, реорганизация разваленной «демилитаризованной» экономики. Создание ядерного оружия, запуск в космос Гагарина, воодушевление первых пятилеток, победы в Олимпиадах, статус сверхдержавы. О трагедии выселенных чечено-ингушей и крымских татар не дают забыть, массовое переселение судетских немцев подаётся как акт милосердия для чехов и выполнение международных соглашений. И оно было произведено уже в мирное время, а чечено-ингуши и крымцы, готовые к сотрудничеству с гитлеровцами, могут быть приравнены к заключённым в лагеря японцам после Пёрл Харбора.

Взамен героике коммунистического строительства, подвигу во имя Фатерлянда и верному служению земле богов, как называют Японию, предлагается Потребление, мораль мелких лавочников с возвратом средневекового религиозного реликта и засилье духовных пигмеев. Под вечную песнь демократии создаются условия, при которых элитой считаются не одарённые пассионарии, а серые посредственности, демонстрирующие свою поведенческую модель в качестве примера для подражания. Таковы итоги революции плебеев. Но без постановки грандиозных задач, без осознания собственной исключительности, выделенности среди других наций, народ превращается в аморфную, разобщённую массу. В психологическом плане при этом абсолютно безразлично, какие корни имеет чувство превосходства – немецкая расовая теория, русская коммунистическая идея, американская мечта, еврейское религиозное мессианство или японская приверженность традициям. Везде индивид должен ощущать свою принадлежность к избранным. Это и есть подлинный патриотизм. Всё другое – фикция. Можно ли любить слабое, вороватое отечество? Можно ли гордиться государством, которому нет дела до граждан? Страной, прошлое которой распинают, а будущее которой туманно? И британец уверен в собственной исключительности по факту рождения. И для распевающего гимн американца Америка превыше всего, он всегда с ней, права она или нет. Только лидерство за мировую власть выделяет исторические народы среди остальных. А силы они черпают в грозной самоидентификации, ощущая себя единым организмом, усиленно размываемом пропагандой глобализации.

Сегодня власть безоговорочно принадлежит англосаксам. Но поляризация свойственна миру. И на сцену выходит ещё один игрок – Китай. Страна с тысячелетней культурой, модернизированная, сплочённая Коммунистической партией. Её гигантские темпы роста обусловлены теми же причинами, что и СССР 20–30-х. Так же быстро, как и при германском четырёхлетнем плане, осуществляется индустриализация, техническое оснащение армии и флота. Как Германия и Япония, Китай опирается на национальные традиции и способен бросить вызов «Империи Добра». Китай, очевидно, учёл негативный опыт Советского союза, клюнувшего на «демценности», вместо Тяньаньмэня допустившего поражение ГКЧП, и стал нечувствителен к пропаганде «Свободного мира». Третью мировую в её горячей фазе сдерживает лишь наличие ядерного оружия. Но газы и химическое оружие не остановили бойню Второй Мировой, и атомные снаряды также могут пролежать на складах. Или Штаты всё же выстроят щит ПРО, став неуязвимыми, тут же разыграют ядерный козырь. А кто их остановит? Стала же послушной марионеткой ООН, как раньше Лига Наций, бомбили же на глазах у цивилизованного просвещённого сообщества Ирак и Югославию. В сущности, Третья Мировая уже идёт – информационной, торговой, пропагандистской составляющей. К борьбе идеологий на этот раз добавляется расовый компонент. Противостояние США и Китая надо понимать шире: как противостояние Азии против покорённой англосаксами Европы. Война – отец всему, говорил Гераклит. И этим глобальным противоборством будет определяться дальнейшее развитие в XXI веке. Именно оно стимулирует прогресс, позволит выйти из состояния духовного застоя, в котором пребывает человечество. Жёлтые берут реванш у белых за двухсотлетнюю экспансию, разгромленный Пекин и опиумные войны. Азия, тысячелетия первенствующая на планете, возможно, опять займёт лидирующее положение. При этом обе стороны будут перетягивать на себя исламские страны. Можно только предполагать, как поведёт себя Япония, всё больше уходящая из сферы влияния США и вовлечённая в орбиту гигантского китайского рынка. Или Германия, в которой могут воскреснуть подавленные реваншистские настроения. Они могут разыграть свою карту, потребовав пересмотра границ, начертанных в Потсдаме. Победит ли у них голос крови? (Британия и Россия, ослабленные событиями прошлого столетия, списаны со счетов в разряд второстепенных игроков.) И на чью сторону встанет бывшая британская колония Индия?

В Америке созданы все условия, чтобы человек мог не отвлекаться от работы.

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
Протестантская мораль в конце концов создала общество трудолюбивых. Но сегодня огромная часть американцев сосредоточена в сфере услуг. Обувает, одевает и кормит весь мир Китай. Американцы обольщаются, что удержат лидирующие позиции за счёт долларовой планки и высоких технологий. Но потерпит ли такое положение Юго-Восточная Азия, где из-за бегства капиталов и дешёвой рабсилы накапливается основное производство? Не произойдёт ли «мировая революция», когда низы трудовых народов свергнут верхи паразитических, потребляющих львиную долю планетарных ресурсов? Ведь им достаточно замкнуться внутри себя, сделав ставку на собственные силы. Привыкший к работе в белых перчатках, отказывающийся от тяжёлой промышленности, которая переключается на народы второго сорта, Запад будет поставлен перед выбором: либо снова, как в XIX веке, засучить рукава, либо умереть с голоду. Найдёт ли он, сибаритствующий уже второе поколение, в себе силы? Состоятельна ли теория «золотого миллиарда»?

Ещё Мережковский на заре XX столетия предупреждал об опасности, поджидающей Западную цивилизацию, вставшую на путь экономической роботизации и подавления личностного начала. В лице азиата, писал он, европеец встретит конкурента, которому с неизбежностью проиграет затеянную гонку, потому что жёлтые самой природой в большей степени предрасположены к железной дисциплине и массовой организованности.

ПЕРЕЖИТОК ПРОШЛОГО

В восьмидесятые упавший прохожий собирал толпу, а в девяностые через бомжей стали перешагивать: «Это их выбор, мы живём в свободной стране».

Может, совесть, и правда, химера?

В середине восьмидесятых СССР потрясло сообщение из Узбекистана, где некий Адылов, директор колхоза, выращивающего хлопок, принуждал в сезон урожая работать отдохнувших поблизости туристов, приехавших на каникулы студентов, школьников. Жителей окрестных деревень сгоняли на поля силой, их рабочий день не нормировался. Это был рецидив Средневековья.

Но и смертную казнь тогда ещё не отменили!

А сегодня «адыловщина» пришла в Россию. У российских неофеодалов, скупивших за бесценок разорённые сельхозугодья, повсеместно распространена практика нанимать гастарбайтеров из Средней Азии. Мало того, что они вкалывают за гроши по восемнадцать часов без выходных, у них ещё отбирают паспорта, чтобы под занавес урезать зарплату. На равных со взрослыми работают дети, но их труд оценивается значительно ниже, зачастую и вообще не оплачивается. Живут мигранты в вагончиках, где ночами мёрзнут, поэтому спят не раздеваясь. Они лишены элементарной социальной защиты, медицинского обслуживания, пропахшие скотным двором, заставляют вспомнить римское: «Раб – лишь орудие труда, только говорящее». А когда голод вынуждает их просить аванс, экономные приказчики грозят увольнением. Ничего личного, просто так рентабельнее. У местных гастарбайтеры не вызывают сочувствия: «А зачем приехали?» При этом положение «русской рабсилы» немногим лучше. Те же сверхурочные, то же бесправие. В деревне возрождается крепостничество, а в городах элитные кварталы огораживают железным забором и усиленно охраняют. От кого? От соотечественников? За полтора десятилетия мы очерствели, огрубели и «душой опрыщавили». Нас манят маячащим на горизонте экономическим благополучием, говорят об обществе потребления, но, похоже, мы потребляем друг друга, как пауки в банке.

О каком же сплочении может идти речь?

Казалось бы, тонкие материи относятся к церковной епархии, казалось бы, религия ответственна за нравственность. Так ведь нет! Вера превращается в предмет гордости, как дорогой автомобиль. «Обрядоверующие» со свечками упиваются собственной «духовностью», внутренне отделяя себя от язычников, они обретают не только психологическую устойчивость, но и чувство социального превосходства. Призывая к смирению, русская церковь духовно «крышует» расслоение, подчиняясь царящему вокруг, предлагает и свою услугу: «Небо для богатых!» Это откровенный кальвинизм, поощряющий «трудолюбивых» менять и «честных» ростовщиков, сколотивших состояние на крови, но причём здесь Пришедший к рыбакам и блудницам? При этом Православие в современной России предлагается как униформа в магазине готового платья, а все, кто шьют на заказ, объявляются безбожниками.

Но может, литература будет тем любезнее народу, что чувство доброе в нём лирой пробудит? Может, наследники Толстого и Достоевского предложат рецепты спасения? Ничего подобного! Страницы бестселлеров оккупировали безжалостные парни со скошенными лбами и хищные охотницы на олигархов в джунглях финансовых джунглей.

Не остаётся в стороне и «самое массовое из искусств». Место героев прочно заняли неотягощённые рефлексией проходимцы, место героинь – феминизированные трудоголички, а место морали – животное начало. К половине населения, отодвинутой от «праздника жизни», наша телевизионная «интеллигенция» относится как к низшей расе, попросту его не замечая как досадное недоразумение. Трагедия миллионов не вызывает ни малейшего сострадания. На ток-шоу за круглыми столами улыбаются «успешные». Милые, обаятельные. Только за плечами у каждого тысячи обобранных. Нет-нет, это не основатели финансовых пирамид, их капиталы нажиты в рамках закона. И они лишь брезгливо морщатся, вспоминая социалистическую «уравниловку». Но такова уж магия экрана, что миллионы нищих по ту его сторону, точно завороченные, также кривятся на советское прошлое. Массовый психоз? Загадки виктимологии? Впрочем, когда развалившего сверхдержаву хоронят с почестями, а произведения выслуживавшегося в «холодную войну» по ту сторону железного занавеса включают в школьную программу, сознание переворачивается, и чёрное становится белым. Когда не выработан общий язык, на котором происходящему вокруг даны однозначные определения, когда государственное мышление отсутствует, а совесть превращается в рудимент, любая попытка сформулировать национальную идею обречена. Вместо стратегии остается тактика, вместо жизни – выживание. Немудрено, что общество оскотинивается, сползая в грязь. Под влиянием проповеди вульгарного эпикурейства наш «средний класс» с успехом изгнал из себя моральные нормы, присущие дворянству и прививаемые в СССР – благородство сегодня атавизм, теперь родной матери ссужают под проценты.

ТЕОКРАТИЯ, КОММУНИЗМ ИЛИ СЫРЬЕВОЙ ПРИДАТОК

Основатель иранского государства шах Исмаил в качестве правящей религии выбрал шиизм. Одним из аргументов в пользу этого было соседство могущественной суннитской Турции, рядом с которой страна с той же государственной религией была обречена. Подчёркивать свою инаковость, вычленять особые точки своего развития – эти неперемённые условия национального выживания действуют во все времена. Недаром при существующем геополитическом раскладе Запад особенно ревниво относится к странам, открыто не приемлющим демократическую систему ценностей. Беларусь, Иран, Северная Корея возмущают не столько наличием современных, в том числе ядерных, вооружений, но в первую очередь воспринимаются как угроза идеологическая. Подконтрольный США Пакистан или не имеющая никакой программы, кроме бандитской, Сомали, напротив, нисколько не тревожат радетелей однополярного мира. «Если афганский моджахед берёт в руки английскую винтовку, он незаметно для себя принимает и английский имперский порядок», – несколько утрируя, говорил Тойнби. Но именно заботой о себе объясняется почти насильственная глобализация, бешеная пропаганда американского образа жизни. Навязать свои правила игры, в которой остальные «партнёры» обречены на поражение. Главное, заставить противника принять эти правила, играть именно по ним, дальше – дело техники. Так было с СССР, из которого, как только он окунул в мир «свободной» конкуренции, мгновенно выкачали все ресурсы, весь накопленный десятилетиями потенциал, так было с кончившей глубочайшим кризисом Аргентиной, проводившей по рецепту МВФ пресловутую политику «currency board», привязывающую национальную валюту к доллару, и десятком других ограбленных, пущенных с молотка стран. США беспокоит отнюдь не ядерный потенциал и нарушение прав человека, а способность самостоятельного мышления и желание идти своим путём. Это вызывает и озлобление, и град насмешек. На эти страны обрушивается вся мощь западной пропаганды. Исключение составляет Китай – слишком мощный, чтобы с ним связываться. Остальных же всеми доступными способами – от удушающих кредитов до «цветных» революций – заставляют принять сложившуюся за века западную идеологию. И вслед за этим послушно выстроиться в очередь вечно развивающихся стран, следующих в американском фарватере. Именно поэтому непокорные, крохотные бунтари, вроде Венесуэлы или Кубы, в экономическом и военном плане не представляющие миру ни малейшей угрозы, становятся странами-изгоями. Вышедших из-под американского контроля, их выставляют бельмом на глазу, а на азиатско-африканские «вне идеологические» деспотии вроде Руанды, где уничтожаются миллионы, или

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
военно-проституированного Таиланда, закрывают глаза. Помимо экономического и военно-политического противостояния Запад тревожится теми, кто способен противостоять идеологически, ибо с этого и начинается освобождение от его «дружеской» опеки. Двадцатитысячная группировка афганского Талибана вызвала гнев США и была разгромлена именно за попытку построить государство на принципах ортодоксальной исламской теократии. А многотысячные военизированные отряды африканских царьков, не возвышающихся над каннибальским деспотизмом, не представляют угрозы существующему Pax America.

Наглядный пример в этом плане даёт и история России. Царское самодержавие, нашедшее духовный оплот в православии, противопоставившем себя католицизму, было сильнейшим государством Европы. Его ненавидели и боялись, но не считаться с ним было нельзя. Приняв на вооружение коммунистическую доктрину, СССР стал мировой сверхдержавой, против которого был объявлен крестовый поход. Суть горбачёвской перестройки сводилась к ликвидации коммунистической партии как руководящего органа, к одностороннему открытию границ?[4] принятию западного образа жизни и мышления на уровне потребительской корзины. Результат налицо, впрочем, он был вполне предсказуем. И теперь мы продолжаем по-прежнему стучаться в закрытую дверь Запада! Хотя для европейцев мы были, есть и будем инородным телом, варварами, чужаками. Мы и на самом деле чужаки. Но добровольно вышибая едва намечающиеся опоры самоотождествления, мы, превратившись в сырьевой придаток, никогда не встанем с колен. Пытаться обыграть Запад в его игру всё равно, что пытаться обогнать рыбу в воде, ибо существующие «либеральные» ценности, с их демагогией, лицемерием и скрытой ксенофобией, это природная стихия фарисейской пост-христианской цивилизации. Мы этнически входим в неё, у нас нет генетико-расовых отличий, и, уничтожая социоформные очаги разделения, которые могли бы служить начатками самоидентификации, мы сливаемся с ней. Для многих наших либералов-западников это и есть желанная цель. Но надо отдавать себе отчёт в том, что внутренних психологических барьеров нам не преодолеть никогда, мы навсегда останемся в этом не нами выстроенном доме чужими, людьми второго сорта. В сущности, мы уже почти поколение исполняем эту роль. Каков же выход? Дальнейшие выкладки носят чисто теоретический характер, ибо действующий нефеодалный режим не изменит своего курса, ведущего в никуда. У России не такой уж богатый выбор. Если мы хотим переломить ситуацию и выйти из-под контроля, перестав быть страной с внешним управлением, нам остаётся либо возродить теократию, либо коммунизм. В той или иной форме. Второе, на мой взгляд, предпочтительнее. Это можно сделать, например, под видом развитого социализма, вспомнив, старый лозунг: «От каждого – по способностям, каждому – по труду!», вовсе не противоречащий рыночным отношениям, а лишь ограничивающий экономический беспредел и власть прибыли. В этом случае можно ориентироваться на уверенно шагающий к мировому лидерству пограничный с нами Китай, рынки которого нуждаются в российских технологиях, сибирском лесе, нефти и газе. Сырьё гораздо легче транспортировать в Азию, чем в Европу, к тому же можно использовать сверхдешёвую китайскую рабсилу. Есть, конечно, опасность попасть из огня да в полымя, избегая клыков западного волка – в пасть китайского дракона. Но здесь есть различие. Во-первых, поглощению России Китаем мешает естественное различие – расовое. Во-вторых, декларируя принцип интернационализма, китайской компартии труднее захватывать чужие богатства, чем исповедующим мораль откровенной наживы акулам капитализма. В-третьих, хотя в истории и нет благодарности, но всё-таки мы помогли Китаю встать на правильные рельсы, с нашей же помощью он получил атомную бомбу и избавился от позора «опиумных» войн, колонизации западных компаний, насильственного культуртрегерства, империалистической экспансии. К тому же, несмотря на все старания либеральной пропаганды, выжигающей калёным железом историю, в России ещё жива память о недавнем великом прошлом. И, наконец, Поднебесная традиционно обращена внутрь, на себя, её интравертированное мышление относит к варварам всех за Великой китайской стеной, поэтому есть надежда, что в отличие от агрессивного, прозелитически настроенного Запада, Китай оставит нам шанс национального возрождения. Конечно, это расчёт слабых, но ведь это англичане по-прежнему зовут себя великобританцами – мы уже давно не великороссы. Может, пора избавиться от привитого Петром комплекса европоцентризма? Может, не стоит отвергать азиатское направление из ложной гордости? На «западном» пути мы уже набили шишек, почему бы не попробовать «восточный»?

САМОДЕРЖАВИЕ, ПРАВОСЛАВИЕ, НАСЕЛЁННОСТЬ

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
Самодержавие – наш крест, наша судьба. Загадочная русская душа требует самодержавия, как водки. И сегодня мы переживаем эпоху de ja vu – царизм, нашедший в сталинские времена продолжение в симбиозе с классовой борьбой и советским строем, ныне всплыл под личиной демократического феодализма. Та же иконная персонификация власти, та же жёсткая иерархия с попыткой воссоздать культ личности. Круглосуточная телепропаганда убеждает в необходимости выстроенной вертикали, административный ресурс обеспечивает не только высокую явку избирателей, но и их «правильное» решение. Подобное уже было в сверхдержаве – стоило ли её ломать, чтобы повторить всё в карикатурных, убогих масштабах? Имперский дух давно вышел, а национального, как оказалось, нет. На нефтяной трубе разрастается конформистская плесень, а инакомыслящих вместо Сибири сослали в Интернет. Впрочем, это победа не демократии, а технического прогресса. Наш особый путь сузился до тропинки, но мы, не сворачивая, упорно следуем ему!

Вторым китом российской управленческой конструкции выступает Православие, воскресшее сегодня, как Христос. Церковь, с её вечным «Любая власть – от Бога!», претендует остаться единственной духовной опорой государству, неистово истребляет другие. Средневековый реликт, ассоциирующийся с «тёмными» столетиями, приватизирует сегодня не только религиозное сознание, но и всякое духовное начало. На архиерейском Соборе центральным вопросом было введение Закона Божьего, не ограничиваясь воскресными школами, в учебных заведениях – практика, давно отменённая в цивилизованном мире. В светской стране, где церковь отделена от государства, православные батюшки вновь собираются прибирать к рукам души детей – методы, против которых выступали ещё Вольтер и Шопенгауэр! Чтобы окончательно вытравить здоровое начало, прививая шизофрению, на уроках физики будут рассказывать о Большом Взрыве, а уроке богословия – о семи днях Сотворения! А едва заикнувшийся о недопустимости лобызания с антинародной властью епископ Чукотский был на том же Соборе лишён сана. И с этой внутренней грызнёй, с исключением из рядов всякого, кто осмелится выступить против линии патриарха, служители культа надеются оставаться авторитетом в глазах нации? Виноваты ли в агрессивной политике нынешние иерархи или их толкает присущий нашей религии воинственный прозелитизм? «Земная церковь – воинствующая! – всё громче заявляют клерикалы. – Вне церкви нет спасения!» Но как бы не пришлось, как в гражданскую войну, списывать массовые разрушения храмов и сбрасывание колоколов на жидомасонский заговор. Церковные пастыри за полтора десятилетия добились того, чего не смогла сделать советская антиклерикальная пропаганда за семьдесят лет. В восьмидесятых годах гонимое Православие пользовалось скрытой симпатией среди атеистического населения СССР, оно воспринималось как антитеза действующему режиму, как единственное духовное пристанище, и многие интеллигенты обращались в веру, становясь горячими её ревнителями. Бескорыстные романтики, искренние энтузиасты, они напоминали первых коммунистов, мучеников за идею, закрывавших амбразуру, голыми ногами месивших бетон, говоривших перед боем: «Считайте коммунистом!» А массовое пополнение монашества вдруг «прозревшими» батьками, девятый вал которых смёл идеалистов, готовый опрокинуть духовную лодку Православия, сродни карьеристской партноменклатуре, рассматривавшей ленинский билет как путёвку в сытую жизнь. Сегодня деятели РПЦ на саммите в Чехии, стране, размещающей ПРО, призывают осудить коммунизм наряду с фашизмом, предав память отцов и дедов. Церковники сводят счёты? Но они забыли, как Алексей I, Патриарх Московский и всея Руси, произнёс на смерть Сталина проникновенную речь, в которой обещал денно и ночью молиться за дорогого, всеведущего вождя, сделавшего так много для русской Церкви. Где гарантия, что в надежде на общественную амнезию церковники не отрекутся от нынешнего режима ради нового хозяина? Так остаются безгрешными. Но только в собственных глазах. Фарисейское лицемерие во все века вызывает раздражение, которое трудно списать на происки зла и «невидимую» брань, которую ведёт церковь. Вывеска может быть любой – важна начинка. На словах, держа курс на примирение, осуществляя стратегию общественной консолидации, церковные лидеры, проявляя странную нетерпимость, на деле решают узкокорейные тактические задачи, руководствуясь принципом: «После нас – хоть потоп!» А в самом деле – чем их мораль отличается от обывательской с её главной заповедью: «Обмани ближнего своего!»? Вместо приютов в бездомной стране возводят роскошные храмы, вместо смирения и покаяния, к которому призывают с амвонов, демонстрируют ненависть и осуждение, найдя врага не в коррупции, бедности, беспризорности и тотальной бездуховности общества ширпотреба, а в призраке коммунизма! Всё тонет в гомоне современной рекламы, и Церковь возвышает голос! Её призывы к дегероизации декабристов и народовольцев говорят о запоздалой реставрации монархического способа мышления – превратившись из сверхдержавы в страну третьего мира, Россия не случайно

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org переживает рецидив Средневековья. В постхристианском мире религия возрождается в уродливых формах обрядового мракобесия, и теперь, предлагая искоренить советскую символику, переименовать улицы, названные в честь героев-коммунистов, церковники, верно, метят увековечить собственные имена. К примеру, московский метрополитен Ленина можно заменить на подземку Алексия II, а площадь Революции – на станцию великомученика Николая, прозванного при жизни «Кровавым».

«Народность» в известной русской триаде сегодня сменили на «населённость». Вернее, на борьбу с демографическим коллапсом. Стоило на рождение ребёнка выделить из бюджета крохи, и кривая вымирания замедлила свой бег. Это как же надо сдерживать репродуктивный потенциал этноса, если даже крохотная подачка пробудила жизнь! Но почему бы не развить успех, увеличив молодым матерям безвозмездную ссуду? Есть же пресловутый стабилизационный фонд, поддерживаем же мы американскую экономику, вкладывая миллиарды в убыточные ипотечные компании. Но власти, похоже, решают другую задачу: по рецепту вечной реанимации, они поддерживают едва тлеющий огонёк – нация и не умирает, и не живёт. Если атомная держава быстро обезлюдует – это будет проблема для Запада, встанет на ноги – лишняя головная боль. В сырьевом придалке, таком как наша страна, выгоднее поддерживать баланс, учитывая территориальные ресурсы, кормящие туземную популяцию. Сбываются пророчества Тэтчер – экономическая рентабельность диктует России ограничивать своё население.

Демократии, скрытно присутствовавшей и в обществе развитого социализма, не нашлось места в современной российской «треноге». Так что «единороссы», провозгласившие главной целью общественную стабильность и осуществление социально ориентированных программ, активно борются за демократию без России.

Когда колченогий стул российской «демократии», это ноу-хау путинской администрации, рухнет вместе с ценами на нефть, то сидящие на нём соскочат, предоставив остальным разгребать обломки. Этот сценарий бросается в глаза. Россиянам остаётся надеяться на чудо, на то, что глубинные социальные процессы внесут коррективы, что подлинная история протекает вдали от поля зрения, как жизнь насекомых, которые обитают под землёй, а на поверхность являются для размножения и смерти.

РОССИЯ И ВЛАСТЬ

Когда Юстиниан, за полувековое правление восстановивший Римскую Империю, умер, собравшиеся на константинопольском ипподроме византийцы умоляли нового императора: «Не заставляй нас больше так трудиться!»

Сверхдержавой быть трудно. Гонку за лидерство редко выдерживают несколько поколений, внуки и правнуки, на которых обычно заканчивается пассионарный толчок, уже не хотят и не могут отвечать на бесконечные вызовы, конкуренция перестаёт быть для них привлекательной. В инерционной фазе развития каждый живёт для себя, руководствуясь принципами вульгарного эпикурейства.

Открыв границы, став частью мира, Россия растворилась в нём, как сахар в воде. Наши современники оказались подходящим материалом для общества потребления, их вполне устраивает сводить выбор жизненных ценностей к выбору в супермаркете и находить бытийный смысл в голливудском кино. Русская классика осуждала мещанство, филистер был главным объектом её насмешек. Но сегодня обнажилась истинная душа народа – нет больше гагариных, нет выигранных Олимпиад, сдав передовые позиции, Россия превратилась в страну третьего мира, – это мало кого заботит, эпоха застоя сменилась эрой обскурации. Наследникам великороссов явно недостаёт имперского мышления, они терпеливы, покорны, ко всему приспосабливаются, они смирились с двойными стандартами Запада, их национальная гордость, которую ущемляют на каждом шагу, не страдает от признания их *de facto* людьми второго сорта. Парадоксальность ситуации заключается, однако, в том, что раньше беды списывали на грандиозные проекты – космические, военные, научные, требовавшие урезать социальный пакет, а теперь, после отказа от амбициозных государственных задач, доходы стали оседать в кармане немногочисленной элиты – и уровень жизни упал. Изменилось и само понятие государства. Советская эпоха была уникальна в первую очередь с точки зрения государственной власти. Декларируя интернационализм, коммунисты, намеренно или вынужденно, проводили внешнюю политику в интересах советского народа, с которым себя отождествляли. Такое было разве в языческий период Киевской

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
Руси, когда Святослав, говоривший: «Я пойду впереди вас!», слышал в ответ: «Где твоя голова ляжет, там и свои сложим!»; и во времена Московского княжества, когда татаро-монгольская опасность, общий враг, спланивали власть и народ. Великая Отечественная также демонстрировала объединение – времена были тяжёлые, но тяжесть ложилась на всех: сын Сталина пропал в немецком концлагере, сын Хрущёва – погиб на фронте. И «холодная» война ещё замыкала власть в национальных границах, сближая «верхи» и «низы». Невозможно представить, чтобы у секретаря Политбюро, как у вновь избранного президента, были родственники по ту сторону «железного занавеса». Зато в царскую эпоху это было в порядке вещей. Награды и титулы, которые должны быть признаны «своим» кругом, оказывались для монархов важнее признания собственного народа, династические браки заключались независимо от языка и конфессиональной принадлежности. Уже в восемнадцатом столетии известный дипломат Куракин, свояк Петра I, сокрушался, что высший класс поразил коррупция, и «никакая перспектива на улучшение не просматривается». Во времена бироновщины в Измайловском полку не было не только русских офицеров, но и русских солдат. Сословные барьеры тогда возвысились над этническими, место «градов» заняли «бурги», дворянство стало изъясняться по-французски, переходя в масонство, чтобы не стоять в одной церкви со своими крепостными. Пока барин лечился на водах в Бадене или играл в Монте-Карло, поместьем распоряжались приказчики. Миллионеры-заводчики Демидовы покупали средиземноморские острова, итальянские графские титулы и виллы во Флоренции, точно также выкачивая средства из Сибири, как прожигающие жизнь в Куршавеле «нефтяные», «алюминиевые» и «никелевые» короли. Тургеневы, гоголи, ивановы предпочитали тёплый климат, и сейчас наиболее известные русскоязычные авторы проживают за рубежом, в театрах идут пьесы эмигрантов с российским паспортом, а национальные студии снимают кино, ориентируясь на американские вкусы, причём самый незначительный успех на заокеанской киноярмарке подаётся как национальный триумф.

Конечно, явление дезинтеграции власти и народа не специфически русское, династии немецкого, французского, голландского происхождения, представители «голубокровного» интернационала, занимали попеременно все троны в Европе, но Россия превзошла всех. Александр I, рассматривавший страну как свою вотчину, заявлял, что победу в 1812 году принесли иностранцы. Либерал для Запада, он был деспотом своего народа, арапчеевщина вводила Россию всё дальше от Европы. А его преемник, говоривший: «Русские офицеры служат государству, немецкие – нам!», беспощадно расправился с декабристами, которые на Сенатской площади оказались не в силах поднять руку на священную особу и едва заявили об ограничении самодержавия. Но абсолютная власть не только развращает абсолютно – она рождает ожесточение. Александра II уже не спас ни жандармский корпус, ни показательные казни. (В XIX веке ещё находились способные жертвовать собой, презирающие своё происхождение: Софья Перовская, повешенная как цареубийца, была дочерью петербургского губернатора. Можно ли представить в роли «бомбистки» дочь первого мэра Санкт-Петербурга?) А ведь народовольцы требовали лишь созвать парламент и принять конституцию, то, что для Европы было уже вчерашним днём. Но власть упорно отказывалась от диалога. И как следствие – убийство не только Николая II, но и его детей. А после семидесяти лет власть вернулась к привычной для себя форме правления, когда элите важнее другая элита, чем собственный народ. И полиция борется уже не с диссидентами, а с остатками национализма и недовольными глобализацией, как, эфемизмом, нарекли американскую гегемонию. С приходом транснациональных компаний произошло возрождение «голубокровного» интернационала на новой, финансовой основе, ибо у денег нет родины, кроме банка. Власть отождествляется с господством, властью ради властвования, которое всегда было главной задачей государственной машины. Приведу известную, но забытую цитату, которая стала – увы! – снова актуальной: «Бюрократия есть мнимое государство наряду с реальным. Дух бюрократии есть тайна, обеспеченная её иерархической организацией, её замкнутым, корпоративным характером. Открытый дух государства, а также государственное мышление, абсолютно ей чуждое, представляется предательством по отношению к её тайне. Боготворение авторитета есть её образ мыслей...» (К. Маркс).

Бюрократия Николая I породила «лишних» людей, партноменклатура позднего СССР сделала лишним всё население. Образуя государство в государстве, номенклатура, скинув социалистические оковы, принесла страну в жертву своим интересам. Центробежные силы, которые привели к распаду СССР, были ни чем иным, как стремлением элит к обособлению и господству. В результате на место развитого социализма, при котором создавались наукограды, пришёл «капиталистический феодализм», когда с президентской трибуны заявляют, что

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org даже «государственно-монополистический капитализм в третьем тысячелетии неэффективен». Сняв с себя ответственность, освободившись от необходимости делиться, власть популяризирует лозунг: «Не тебе государство, а ты – ему!» и призывает рассматривать общество как арифметическую сумму конкурентов.

Как в этих условиях можно строить гражданское общество, остаётся загадкой.

Космополитическая Москва стала финансовым центром, анклавом на территории России, в ней проживает семьдесят пять миллиардеров (больше только в Нью-Йорке, что внедряется в массовое сознание как предмет гордости!). При этом страна уверенно занимает ведущие места по числу самоубийств, беспризорных, наркоманов. Только три процента её населения имеют среднеевропейский достаток, шестьдесят процентов, так или иначе, живут за чертой бедности. А телевидение, демонстрируя «красивую» жизнь, помогает забыть, что народ и власть – по разные стороны экрана. Всю эту нелепую конструкцию, пизанскую башню российской экономики, спасают пока лишь баснословные цены на нефть. Поэтому смешно говорить о «бегстве капиталов» и «утечке мозгов» – из колоний (а что такое сырьевой придаток Запада как не его колония?) лучше всегда стремится в метрополию.

Надутое газовой трубой российское чиновничество готово лопнуть, откровенно кастовое сообщество, присвоившее себе имя государства, оно, как и предшествующие ему бюрократии, нашло опору в православном: «Нет власти не от Бога!». Отсюда, в частности, внешний расцвет Православия в России, грандиозное храмовое строительство, которое осуществляется, очевидно, не на пожертвования верующих, и за которым просматривается идеологическая программа. Средства поступают на счета церкви в обмен на молчаливую поддержку её иерархов, словно забывших, что «всякое царство, разделившееся в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам, падёт...»

Понятие государства часто подменяют понятием отечества. Тождественными они не бывают никогда, но степень их расхождения характеризует отношения в обществе. Сейчас они, как никогда, далеки. Власть, оторвавшаяся от народа, служит лишь мнимому государству, с которым отождествляет себя, спекулируя на идее общего блага, на патриотизме, занимается вымогательством. «Низы» откупаются взятками, никакие иные отношения между ними и паразитирующим на нефтедолларах «верхами» невозможны. В современной России нет политзаключенных, нет оппозиции, нет даже пассивного сопротивления режиму, а есть только аморфная, одураченная масса, которую презирает власть.

ЧТОБЫ ЧУЖИЕ БОЯЛИСЬ?

Разговор на белорусской ярмарке в Москве. «А как там ваш батька?» – с симпатией спрашивает покупатель. «И почему вы его так любите?» – пожимает плечами продавщица из Гомеля. «Когда уйдёт, и вы полюбите...» И действительно, как передать все «прелести» дикого капитализма? Фасад блестит, а задворки – кто видит? Через четыре года после подписавшего белорусские соглашения Шухевича президентом стал Лукашенко, голосовавший против развала сверхдержавы в Верховном Совете СССР. Так что в Беларуси перевод экономики на рыночные рельсы осуществлялся не чубайсовским обвалом, а плавно, ориентированно скорее на шведский социализм, чем на зоологическую модель выживаемости, предложенную Ельцину американскими советниками. Белорусы, не имея опыта девяностых, по сути пребывают в сладком неведении, как советские люди в эпоху горбачёвской перестройки – те же настроения, то же смутное брожение среди молодёжи и желание лучшей доли. Ведь и мы думали: задушил ненавистный «тоталитаризм», хуже и быть не может! А оказалось – ещё как! «Да здравствует свобода, долой госконтроль!» – под такими лозунгами пришла ельцинская анархия. Ведь тогда полагали, что государство закрепощает личность, душит инициативу частного собственника. И у белорусов, возможно, вызывает восхищение, что русский за полмиллиарда евро купил самую дорогую виллу Европы. Но вилла сколочена из миллионов недостроенных дач, неблагоустроенных шести соток, не отремонтированных санаториев, а деньги, отобранные у ближних «законными, демократическими» методами, вывезены за границу, предоставляя мечтательным соотечественникам переживать нищету на Родине. Попадание в олигархический класс, составляющий доли процента от населения, это, с одной стороны, лотерея с шансами один к миллиону, с другой – хищность в квадрате. Так не лучше ли иметь гарантии социализма? Соседняя Украина с головой ушла в демократию – украинские проститутки десятилетиями оккупируют Москву, Украина – беднейшая европейская страна, а политическая грызня на Майдане давно уже вызывает и смех, и слёзы. Можно и белорусам устроить цветную революцию, митинговать на американские деньги,

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
вот только её главари свалят на Запад, прихватив чемоданы с долларами, а народ останется. И обратной дороги не будет! китайская молодёжь бунтовала на Тяньаньмэне, а сейчас выигрывает Олимпиады и осваивает космос. Наученные горьким опытом северного соседа, китайцы не поддаются на провокационную болтовню о правах человека, понимая, что демократия – это библейский рай, о котором все разглагольствуют, но который никто не видел.

«Я работаю так, чтобы после моего ухода люди сказали: да, это было хорошее правительство», – говорит Лукашенко. Белорусы не пережили эпоху «кулачного права», но оно неизбежно наступит с уходом батьки. Как и передел собственности. Так что возможность сравнить у белорусов впереди. Уровень жизни в Беларуси такой же, как и в России, исключая жиреющую чиновничью Москву. При этом нет нефти и газа, на которых паразитирует Россия. Зато сохранилась промышленность. В России она давно лежит «на боку», живо только «грязное» производство, а из инноваций – захоронение на своей территории мировых ядерных отходов.

Вероятно, многим белорусам скулы сводит – так хочется в ЕЭС. Прибалтам тоже хотелось, а теперь Латвия и Литва держат первые места в мире по самоубийствам. Наряду, конечно, с Россией. Жить стало лучше, жить стало веселее? А уж прибалтийскими гастарбайтерами забита вся Западная Европа: стюарды, официанты, портовые грузчики – дешёвая рабсила, европейцы второго сорта.

Во время крохоборских разборок из-за транзита сибирского газа, когда во имя корпоративного эгоизма Газпрома были свёрнуты многие программы российско-белорусского союза, наши «свободные» СМИ, формируя общественное мнение, не стыдясь, называли суверенное государство дотационным регионом, делая из Беларуси нахлебника. Когда белорусские спортсмены не добивались в Пекине до олимпийских медалей, наши комментаторы откровенно злорадствовали. По отношению к соседу Россия выступает в роли Большого Брата, в репортажах о «бульбашах» постоянно сквозит ирония, а высмеивать белорусский язык стало хорошим тоном. Говорилось даже, что Россия немного потеряет от «цивилизованного развода» с Беларусью. События на Кавказе показали, сколько у России союзников, чтобы ими легко разбрасываться.

Или бей своих – чужие будут бояться?

Для США батька стал персоной нон грата, зато там очень любят немцовых, чубайсов, козыревых. И, очевидно, угождая заокеанскому партнёру, российское телевидение взяло по отношению к Лукашенко тон хамоватого лакея. Однако, в отличие от нынешнего выдвиженца «Единой России», Лукашенко доказал свою независимость, состоятельность и заботу о нации. Выстави он кандидатуру на наших президентских выборах, победил бы за явным преимуществом. И власти это отлично понимают, иначе, чем объяснить информационную блокаду ближайшего союзника? Сколько белорусских фильмов и книг увидели мы за последние годы? Почему нас не знакомят с достижениями белорусской экономики? Мы больше знаем о жизни в США, чем в соседней республике!

Лукашенко обвиняют в том, что он в своё время отказался от провокационного предложения Путина войти Беларуси в состав России на правах субъекта федерации. Мол, не хочет менять президентское кресло на губернаторское! Объединяться? Но с кем? С олигархическим режимом? Под лозунгами братства славянских народов маленькую Беларусь сожрут – частью скупят, частью развалят по известному сценарию. На белорусский народ нашим магнатам наплевать так же, как и на собственный. И Лукашенко это отлично понимает. У него трудная задача – дождаться лучших времен, не поддавшись ни капиталистическому Западу, ни России, с её нефеодалным режимом.

После крушения советского корабля бывшие республики плавают обломками, неся по бурному морю мечущееся население.

И Беларусь являет собой приятное исключение.

УКРАИНА ИЛИ МАЛОРОССИЯ?

В российско-украинских отношениях наступила оттепель. Но что она принесла народу, разделённому границей? Подписание соглашений по Черноморскому флоту, газовые договорённости и визиты президентов не означают разворот Украины на Восток. Она продолжает вращаться в Европу. На разорванные отношения просто наложили заплатку, сменив откровенную русофобию мягким

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
национализмом. И новый президент, похоже, играет с Россией в Джекила и Хайда: политические реверансы с одной стороны и чёткая ориентация на Запад с другой. Это раздвоение, этот украинский политический феномен, уходит корнями в Запорожскую Сечь. Правители «незалежной» традиционно разыгрывали «географическую» карту, сам батька Хмельницкий, всю жизнь с удовольствием примерявший польский жупан, носил также под московской шубой и турецкий кафтан. (В 1650 году Хмельницкий принял турецкое подданство, а в 1654 – московское. Его «двойное гражданство» тщательно скрывалось от малороссов.)

Граница «Украины» и «Малороссии» проходила не по правому и левому берегам Днепра, а по социальной лестнице, выстроенной внутри украинского общества. Самостийщики, начиная с казачьей старшины эпохи Хмельничины, объявляли себя привилегиями народных чаяний, преследуя корыстные интересы. Получая от царя привелегии, одновременно запугивали «хлопов» рассказами о москалях, заставляющих мужиков носить лапти, а женщин – кормить грудью борзых щенков. Мазепа, национальный герой современной Украины, настолько не доверял малороссам, что окружал себя телохранителями из московского войска, которых затем сменил польскими драгунами. (Ещё свежо было в памяти убийство своими же казаками гетмана Брюховецкого.) О «любви» к народу этого самого ненационального из гетманов свидетельствует то, что он не брезговал и работорговлей, продавая живой товар крымцам. Закабаление крестьян и обогащение алчной казачьей верхушки – главные итоги его гетманства. Долго ещё потом царские воеводы разбирались в украинских делах, отличая национальные особенности присоединившихся провинций от обыкновенного хищнического произвола. И сегодня Украина только-только приходит в себя после ухода достойного наследника Мазепы. И сегодня всё смешалось в украинском доме! Львов, Донецк, Севастополь, центробежные силы, готовые разорвать маленькую восточноевропейскую империю, разновекторная политика, пророссийские партии и ультранационалистические организации. А депутаты ловят рыбку в мутной воде! Биография руководителя президентской пресс-службы Анны Герман, которую иногда называют Анна «Гетман», типична для либералов, ориентированных на Запад. Уроженка Львова, с молодых ногтей оппозиционная москальско-советскому режиму, она входила в правление (!) Союза журналистов СССР. Чтобы разлагать изнутри ненавистную страну? Откровенная неприязнь ко всему русскому, проявившаяся у Герман в последнее время на высоком посту, не помешала ей в своё время сотрудничать с КГБ. Разве её судьба не слепок пути дороженко, брюховецких, выговских, метавшихся между Москвой, Варшавой и Бахчисараем и менявших подданство чаще, чем шаровары?

Украинский сепаратизм был зачат в Польше после присоединения Малороссии к России. «Весь фонд анекдотов, сарказмов, шуточек, легенд, антимосковских выдумок, которыми самостийничество пользуется по сей день, – создан поляками, – пишет историк Ульянов. – Дело доходило до курьёзов, польские комиссары выставляли москалей не православными, не исповедовавшими единую с малороссами греческую веру, а особую, московскую!» С удвоенной энергией заработала польская агитация в восемнадцатом столетии, как ответ, как месть за разделы Речи Посполитой. Проповедь сепаратизма была разлита в памфлетах, книгах и речах, направленных против России, но ему всегда недоставало национальной базы. У казачьей верхушки всегда тлела идея независимости, чтобы править «хлопами» без оглядки на Москву, и это стремление умело подогревалось, под него стала искусственно подводиться идейная основа, маскирующая политический сепаратизм под национальный. Русофобия стала синонимом украинофилии, но ненависть к России основана не на исторических фактах, не на личном опыте и переживаниях, а на русофобской пропаганде: ведь одна из главных задач самостийщиков – доказать отличие хохла от москаля. Иначе, как отделяться? С ненавистью отзываясь о России, они не упоминают Польшу и Австрию в числе исторических врагов незалежности. «Тяжко, батько, жить з ворогами», – живя в Петербурге, писал Шевченко о «москалях», выкупивших его из рабства, давших образование, приобщивших к русской культуре. А между тем тысячи малороссов, не пришедшихся в своё время к шляхетскому двору, хлынули в Россию, получив поместья за верную службу Отечеству. Генеалогические древа великороссов и малороссов переплелись, рождая детей единой империи. Сколько дворянских фамилий оканчивается на «ко» (один канцлер Екатерины II Безбородко чего стоит!), сколько выходцев из Малороссии сложили головы за общую Родину!

В эпоху гетманства стоны малороссийского народа тонули в выкриках казацкой старшины. Изнывавшие от беспредела местных помещиков, мужики звали московского царя, а гетманы бросали неньку то в шведские, то в польские, то в турецкие объятия. А в эпоху свободы слова слышим ли мы голос украинского

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org народа? Или говорить можно всем, но на телевидение допускают избранных? В начале 90-х националист Чорновил приехал в Донбасс. В Дружковке его вышел встречать весь город, забросав депутатский кортеж камнями. А в утреннем телерепортаже Чорновил «несли чуть не на руках, шахтёры произносили пламенные речи, раздавались восторженные овации!» Извращение истории и фальсификация – главное оружие сепаратистов. Ложь должна быть чудовищной, чтобы в неё поверили. Вот и самостийщики называют москальским ярмом Переяславскую Раду, то, что «по усей Украине увесь народ с охотой тое учинил», рисуя присоединение в красках Батыева нашествия. Однако на заре самостийничества эти идеи не находили почвы для воплощения не среди интеллигенции, не среди простонародья. Так видный сепаратист Сриблянский писал в 1911 году: «Украинское движение не может основываться на соотношении общественных сил, а лишь на своём моральном праве: если оно будет прислушиваться к большинству голосов, то должно будет закрыть лавочку, – большинство против него».

Из политкорректности сегодня многие называют русских и украинцев близкими, но всё же разными народами. Опасная позиция! Первым называл великороссов и малороссов «двумя русскими народностями» историк Костомаров, затем в обиход вошла формулировка – две славянские народности. Дальше – больше! Вскоре и общие предки Киевской Руси были поставлены под сомнение, то русских причисляли к монголам, то у украинцев отыскивали тюркские корни. Обилие противоречивых теорий демонстрирует искусственность украинского национализма. Впрочем, перед ним сложная задача: достаточно побывать на Украине, чтобы понять, насколько это русская страна!

Если с Беларусью мы разнимся сегодня социальнополитическим устройством, то Украина – маленькая копия России. Нас различают лишь диалекты русского – великорусский и мова. Доработка украинского языка, который противопоставляется русскому, непризнание последнего в качестве государственного – главные пункты программы самострийщиков для борьбы с восточным медведем. Галиция, к примеру, веками была провинцией Польши, потом Австрии. От окончательной полонизации галичан спас церковно-славянский язык, напоминавший о едином русском корне. Несмотря на гонения австрийских властей, запрещавших учить родному наречию в угоду немецкому, русофильские настроения были очень сильны вплоть до второй половины XIX века. (Так в 1866 году в галицийской газете «Слово» появилась статья о том, что русины и русские – один народ, что между украинцами и великороссами нет никакой разницы). Поэтому камнем преткновения в российско-украинских отношениях является не столько разногласия по поводу транзита углеводородного топлива, сколько статус русского языка – важнейший вопрос, который перевешивает все экономические соглашения и политические преференции. Можно вспомнить, что когда идея расшатывания Империи, мысль вбить клин в славянский союз, была подхвачена Австро-Венгерским домом, венский дворцовый библиотекарь Варфоломей Копитар разработал план «мирной агрессии» против России. Его задумка была проста: каждая русская деревня должна была иметь свой алфавит и писать по своему.

Украинский национализм уже давно говорит с американским акцентом. С позиций Большого Брата худая ссора между русскими и украинцами лучше доброго мира, а железный занавес между странами – обязательная составляющая мира без границ. Однако надевая «демократическую» тогу на казацкие шаровары, призывая выше всего ставить «незалежность», западные кураторы Украины играют с огнём. На фоне финансового кризиса в странах Восточной Европы усиливаются националистические настроения. Правый дрейф грозит и объединённой Европе. Зачем будить зверя? Разве мало Венгрии с пришедшими в ней националистами?

А пока националистические метастазы расползаются по Украине. Как удержать русских от окончательного разрыва, не дать расколоться на два народа, живущих взаимной ненавистью? Отрезать правобережную опухоль? Или лечить, прививая чувство общерусского дома? Как это ни парадоксально, но под националистические лозунги уничтожается национальная культура, которая подменяется западной эрзац-культурой с местным колоритом. Родина Гоголя превращается в родину горилки и Верки Сердючки. Россия вместо того, чтобы праздновать день независимости от Украины и Беларуси, должна проводить агрессивную культурную политику, отвоёвывая русский мир, сжимающийся, как шагреновая кожа. И здесь будет уместно вспомнить Струве, писавшего, что «„Русский“ не есть какая-то отвлечённая, средняя из трёх терминов (с прибавкой „велико“, „мало“ и „бело“) величина, а живая культурная сила, великая развивающаяся и растущая национальная стихия, творимая нация

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
(nation in the making, как говорят о себе американцы)».

Когда Украину возглавил пророссийски настроенный президент, как это недвусмысленно следует из предвыборных заявлений, для обеих стран наступил момент истины. Ясно, что разрыв связей по сценарию Ющенко никому не нужен. Но и объединяться, похоже, никто не стремится. Складывается впечатление, что теплохладные отношения устраивают всех. Но если признать, что мы один народ, то почему не живём в одном государстве? И в Германии до сих пор находятся недовольные воссоединением немецких земель. Но не во власти.

Триста лет назад измученный изменами своих вождей малороссийский народ видел спасение в московском подданстве. Многие, не дожидаясь объединения, бежали в московские пределы. Так за полгода переселения выросла Харьковщина, прежде пустынная область. Как и современная Россия, Москва была ослаблена, измождена внутренними противоречиями. Обе страны и сегодня переживают не лучшие времена. Но правители приходят и уходят, а народ остаётся. Главное – остаться одним народом.

ЧУЖАЯ «ЭЛИТА»

«Поляки видели, как бояре и дворяне раболепно выпрашивали у их короля имений и почестей, как русские люди продавали своё отечество чужеземцам за личные выгоды. Поляки думали, что как только бояре склонятся на их сторону, как только они одних купят, других обманут, то можно будет совладать с громадой простого народа, не знающей политических прав, – с этим стадом рабов, привыкших повиноваться тяготеющим над ними верхним силам», – писал русский историк Николай Костомаров о Смутном времени.

Тогда Московское государство выстояло и окрепло. Но то, что не удалось в 1612 году, осуществилось четырьмя годами спустя. В старину не было тотальной пропаганды, была вера и в Бога, и в себя, сейчас же искоренён здравый смысл, от которого не осталось и тени.

«Совдепия проклятая... – ворчит старик-сосед, едва сводя концы с концами. – Все беды – оттуда». А между тем в СССР он провёл лучшие годы, был инженером, вырастил детей. Его уважали, любили, он имел достойную пенсию, а теперь больше верит телевизору, чем собственной памяти. Недаром же заявлено на всю страну, что в России больше нет пенсионеров, живущих за чертой бедности.

Как же молодёжи отличить вывернутую наизнанку историю? Трагедия на Саяно-Шушенской ГЭС прошла незамеченной, погибших от взрывов в столичном метро официально оплакивали лишь в Москве, по поводу гибели польского президента объявлен общенациональный траур. Кто же ближе нашей «элите»? Кто для них свой?

Капитал не имеет национальной принадлежности, банковский счёт, как ластик, стирает этнические различия. И буржуазный интернационал, осуществляя принцип: «Элитарии всех стран, соединяйтесь!», принял в свои ряды российскую олигархию, с радостью согласившуюся на отведённую стране роль сырьевого придатка.

Россия обеими ногами вошла в мировое сообщество: верхи пробили дорогу в содружество элит, низы – получили доступ на рынок гастарбайтеров. Сотни тысяч «новых русских» связали судьбу с Западом, скупая там недвижимость, вкладывая деньги в чужую экономику. Утрачивая национальные корни, их дети получают образование за рубежом, они, как и дворяне царской России, оставившие имения приказчикам, проводят большую часть жизни за границей.

В сущности, всё вернулось на круги своя. Так, заводчики Демидовы поколениями не видели Родины, плохо говорили по-русски, а на доходы с уральских предприятий, где гнул спину «чёрный люд», скупали средиземноморские острова, французские виноградники и замки в Италии. Сейчас, присвоив общенациональное богатство, распродавая природные ресурсы, приобретаются виллы, яхты и футбольные клубы.

Под вывеской глобализации нас уверяют, что это естественный процесс, попирая элементарную справедливость, доказывают, что так и должно быть, вытравляя память – что так было всегда. В недавних теледебатах о ядерном разоружении, призывая американцев свернуть программу ПРО, депутат открыто заявил (чего здесь больше: наивного простодушия или наглости

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org (вседозволенности?), что Россия не может угрожать США, раз там находятся банковские счета её правящей элиты. Мы не враги, убеждал он, наши интересы совпадают.

Но кто «мы»? И чьи совпадают интересы? Ежегодные затраты на образование в развивающихся странах, таких как Китай и Бразилия, сопоставимы с российским годовым бюджетом. Зато в России обсуждается проект о переводе школ на самокупаемость, при этом в качестве базового образования останутся арифметика, чистописание и основы православной культуры. Наши управленцы похожи на сотрудников разорившейся фирмы, которые выносят всё: от мебели до скрепок, зная, что завтра уже не выйдут на работу. «Сырьевая империя» приказала долго жить?

Впрочем, ничто не ново под луной. Как индусы, столетиями входившие в Британскую Империю, или жители банановых республик с проамериканскими режимами, мы живём в полукOLONIALной стране с компрадорской буржуазией. Вообще, создаётся впечатление, что наше правительство исполняет чисто представительские функции, что и без него всё бы шло своим чередом. Похоже, люди, занимающие главенствующее положение во всех областях – политике, бизнесе, культуре, как чёрные дыры, образуют замкнутое сообщество, существующее само для себя.

Они, безусловно, лидеры. Но – чего? Коррупции, взяток и «позвоночного» права?

Услуги чиновников, как преЙскурант в ресторане, имеют свою цену. Так и положено на рынке? Только вот рынок – чёрный. Созданы такие условия, при которых, чем бесталаннее, серее, безнравственнее человек, тем больше у него шансов взобраться по служебной лестнице, тем выше его положение. И в этом уже не видят дурного!

Распространённая в народе житейская мораль не оставляет надежд на изменение. И в этом трагическая безысходность!

В Высшем Совете древнего Карфагена места открыто продавались, купить кресло в Римском Сенате означало казнь. Так отличается фаза роста и процветания от стадии обскурации и разложения. Поразите пастырей, и паства рассеется – вот смысл происходящего сегодня в России, вот что означает демократия по-русски.

«Республиканское правление, – писал Костомаров, – бесспорно, есть наилучший, желаннейший строй человеческого общества, но оно совместимо только с тем, что есть наилучшего в человечестве – с равноправием, общественной энергией, честностью и стремлением к просвещению. Если этого нет – республиканское правление ведёт государство к гибели, и рано ли поздно – это государство или перестанет быть республикой, или достанется другим. Нет никакой силы, которая могла бы предохранить дурную республику от разложения: при господстве нелепых понятий, лени, застоя и развращения голос тех, которые взывали бы об исправлении господствовавшего порядка, будет голосом незначительного меньшинства».

ПЯТНО НА КАРТЕ

Империю, как печенье, крошатся по краям. Распался СССР, современную Россию, похоже, ждёт та же участь. В ближайшие десятилетия она исчезнет. Но если ту страну жалко, эту нет. Впрочем, её уже не существует. Осталась фикция государства, пятно на карте. Горстка правящих по воровскому закону превратила конституцию в фарс, мораль в насмешку, а страну в зону. В России не стоит вопрос, как не нарушить закон, все понимают, что иначе прожить невозможно, все мысли, все творческие усилия сводятся к тому, чтобы сделать это ловко, делясь с нужными людьми. Чтобы попасть в касту непотопляемых, неподсудных чиновников. И всё держится на трёх китах: дебилизации населения, углеводородном топливе и бешеной пропаганде. Если в России пересажать всех, «кому на Руси жить хорошо», телевизор опустеет. Полстраны, так или иначе, разделяет принцип «коррупция – мать порядка», полстраны в тайне одобряют воровство, считая, что на тёплом месте взятки будет брать каждый. Все эти прохоровы, абрамовичи, дерипаски с трёхклассным образованием и животными инстинктами, со смутными представлениями о человеческой истории и культуре и чёткими – о своих приоритетах, прививают свою мораль. Стоило ли всё рушить, чтобы получить это?

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
Эти «люди» скоро двадцать лет у власти. Что они сделали? В сталинскую эпоху 33–53 из лапотной страны построена сверхдержава, выиграна тяжелейшая война, создана ядерная бомба. Китай за это же время после реформ Дэн Сяо Пина вышел на передовые позиции в мире. Но телевизор ежедневно твердит о несомненных успехах, а срок процветания страны откладывается из года в год. Россия – это бумажный тигр, её национальная идея – это пиар в квадрате. У правительства одна программа: чтобы горстка людей, стоящих у власти, прожила свой век в богатстве. А их дети будут жить уже на Западе, и будущее «этой страны» их не касается.

Один из американских отцов-основателей на вопрос: «Каким качеством нужно обладать, чтобы руководить государством?», ответил: «Достаточно иметь чувство нравственности». В современной России тоже достаточно одного: этого чувства не иметь.

ВСЁ СДЕЛАНО, И НИКТО НЕ ВИНОВАТ

«Президентом страны может стать только тот, кто обладает распорядительностью, организаторскими способностями и достойной биографией», – гласит конституция Ирана. В Российской конституции симпатическими чернилами написано обратное.

За двадцать лет наши правители превратили сверхдержаву в карликовое государство, сведя внешнюю политику к торговле, а внутреннюю – к грабежу. Раздавая территории, словно на земельном аукционе, они рвут страну на тряпки, из которых шьют дорогие костюмы. Но своих поместий не отдадут ни пяди, пряча их за высоким забором и законами о частной собственности. Культ личности сменился культом «личного»: ты – то, что ты имеешь. А если не имеешь ты, имеют тебя.

«Я должна вам сообщить ужасную весть; вы найдёте то, чего и не знаете: в России вы найдёте рабов!» – говорила мать будущим декабристам Муравьёвым, встречая после учёбы за границей. И сегодня «их» университеты оплачивают рабы, вот только «тайные общества» собираются не для того, чтобы облегчить участь народа, а чтобы выжать последние соки. Будто и не было 1917 года! Как и 200 лет назад, устраиваются благотворительные балы, открываются странноприимные дома, а меценаты ценятся выше творцов, которые липнут к ним, словно попрошайки.

Вопрос «Кто виноват?» давно не звучит, ведь ответ есть в учебниках, фильмах и на первых полосах всех газет: «Советская власть». Виновата на век вперёд. Если Россия просуществует столь долго. Но и тогда виновников распада будут искать не в Кремле, а в пломбированном вагоне.

«В советских деревнях не было паспортов!» А в российских – нет людей. В опустевших селениях земля скупается за копейки, жители брошенных деревень рады обменять её и на бутылку водки. Сельское хозяйство кануло в лету, важнейшей из наук стала астрология, а промышленность дышит на ладан. Зато процветают церковь и преступный мир.

Советские лагеря в прошлом. Вот только «сидит» больше, чем во всём СССР. И при этом гуляют на свободе насильники и убийцы, торговцы оружием и наркотиками, воры и грабители, растлители и порнографы, сутенёры и государственные преступники. Российское правосудие – самое гуманное в мире! Зато сидит Битцевский душегуб, переплюнувший Чикатило. Красуясь перед телекамерами, он смакует убийства и просит скостить срок. Расстрелы ведь тоже в прошлом. Расстреливают теперь только за царапину на машине. Или за критику власти.

«Не раскачивайте лодку!» – кричат оппозиционерам. А может, яхту? С горсткой избранных? Остальные – то за бортом. Чтобы высказаться против власти, нужно просить её разрешения, а где на улице двое, там и ОМОН – третий. Но нет статьи, запрещающей управленцам собираться вместе, чтобы превращать в закон всё новые беззакония. А какие законы можно ждать от тех, кто живёт по воровским?

«Закрома Родины» давно в швейцарских банках и лондонских особняках. А государственный бюджет превратился в гослото: джекпот только у организатора. Лохотрон у нас на каждом углу, и в Кремле, и в тёмном переулке. «Не хотите стать совладельцем западного бизнеса?» – ловит прохожих за рукав лысоватый мужичонка в потёртом пальто. В России – все наперсточники, «Обмани

В СССР не было секса, свободы и жвачки. А ещё СПИДа, наркотиков, педофилии и порнографии. Зато сейчас мы вторые в мире по производству детского порно. Новость о том, что многодетная мать сдавала трёхлетнюю малютку в аренду педофилу, стыдливо мелькнула во второстепенных изданиях. Но убийство ребёнка приёмными родителями в штатах не сходит с первых полос, и скандал раздувается до масштабов национальной катастрофы. А сотни детоубийств русскими родителями не обсуждаются даже на кухнях. Никого не волнуют покалеченные, изнасилованные, замученные, ночующие в канализационных люках. Сирот сегодня больше, чем после войны. И это сироты при живых родителях, которые спились, сгинули в тюрьме или выбросили ребёнка на улицу, как ненужную вещь. Ничего, лишь бы не было революции!

Косноязычие генсеков высмеивают даже те, кто никогда их не слышал, а анекдоты про Брежнева, как советское шампанское, не выходят из моды. Зато современные политики соревнуются в остротах, будто на эстраде. Их речи – звонкие, как монеты, но пустые, как кошельки у россиян. Кремлёвские имиджмейкеры творят чудеса, словно феи из старой сказки, превращая золушку в принцессу. Им под силу коротышку сделать мужчиной среднего роста, а невзрачного дядечку – героем-любовником. Ещё немного, и премьер появится голым на обложке «Playgirl», а президент станет на голову выше Лукашенко. Вот только Беларусь – игрок на политической карте, а Россия рискует с ней исчезнуть. Величие страны определяется не её размерами, а социально-экономической политикой и харизмой руководителя, которую в «фотошопе» не нарисуешь.

Телекадры решают всё: выворачивая наизнанку, чёрное делают белым, а вымирающую страну – процветающей, приучая не верить собственным глазам. Производство превращало человека в машину, а телевидение превратило в скотину. Номо Sapiens'a сменил Номо Video, с телевизором вместо головы. Но антенн много, а транслятор – один.

Терроризм – угроза обществу? А буржуазный терроризм, убивающий души и сердца? Обыватели молятся на рублёвские иконы красивой жизни, беря их примером для подражания. Слово Элочки-людоедки, женщины соревнуются с журнальными красотками, подсаживаясь, как на антидепрессанты, на «звёздные» сплетни. Российская элита – государство в государстве. А народу, как дворне, позволяют в замочную скважину подглядывать за жизнью господ. Бедняки до дыр зачитывают рейтинги миллиардеров, прикидывая убытки и радуясь росту состояния. А у самих – дыры в кармане. «В магазинах – не то, что в Совке, всего полно!» – радуется больничная санитарка. У неё зарплата 10 000, половину тратит на дорогу. В электричке она проводит восемь часов в два конца, приезжая в столицу из соседней области, потому что в родном городе платят 2000, да и такую работу – днём с огнём. «Не то, что в Совке!» Что хуже: пустые желудки или пустые головы?

«Если кто идёт работать на хозяина, то понятно, что он становится человеком подневольным; он должен хозяина слушаться, и хозяин его может наказывать. – Крепостные крестьяне работали на помещиков, и помещики их наказывали. Рабочие работают на капиталистов, и капиталисты их наказывают. Разница вся только в том, что прежде подневольного человека били дубьём. А теперь его бьют рублём», – писал в конце XIX века Ленин. Зато советские служащие лениво ходили на работу, трудились спустя рукава, дружно ругая советскую власть. Теперь они, как псы, грызутся друг с другом за повышение и трепещут перед хозяином. А тот за копейки выжимает все соки на бессмысленной работе. Загадки виктимологии? Или психологии? Рабочие боролись за прибавку, от которой зависела жизнь. Офисные работники радуются ей, как дети, хотя она в их жизни ничего не меняет. «Кто больше получает» – национальный вид спорта, привезённый с Запада, но прижившийся у нас, как картофель. Вместо 12 рабочих часов – 8. Разницу современный человек проводит в автомобильных пробках или на курсах «купи-продай», а скуку убивает в торговых центрах или у телевизора. Стиральная и посудомоечная машины, микроволновая печь, полуфабрикаты освободили женщину от кухонного рабства. Теперь свободное время она может посвящать сплетням, шоппингу и офисной маете.

И зачем такой прогресс?

Цензурный гнёт? Тотальный контроль над инакомыслием? Это пережиток прошлого! Сегодня издано всё, запрещённое в СССР, а в Интернете выложены все энциклопедии, справочники и книги, от древних авторов до непризнанных

Демократия и тоталитаризм. Е. Б. Александрова-Зорина filosoff.org
современников, на всех языках и в любых переводах. Но 70 % пользователей
сети обращаются только за свежей «порнухой». Как не вспомнить Петра Струве:
«Мы забываем, что обществу нашему нужны идеалы – политические, гражданские
и иные – главным образом для того, чтобы, запасшись ими, можно было уже ни
о чём не думать, что ищет оно их не с юношеской тревогой, а с
послеобеденным спокойствием, что разочаровывается оно в них не с душевными
муками, а с лёгкостью аркадского принца. Таково, по крайней мере, громадное
большинство нашего общества. Ему, собственно говоря, и не нужно никаких
идеалов, потому что оно сыто и вполне удовлетворяется утробными
процессами».

Мы по-прежнему в числе самых читающих наций. Россияне сметают с прилавков
кроссворды, гороскопы, анекдоты, кулинарные рецепты, светскую и
криминальную хронику... Может, лучше бы и вовсе не умели читать? Современная
научно-популярная литература – переводы западных авторов, рассчитанные на
любителей комиксов. Зато советские научные книги выносятся на помойку из
библиотечных хранилищ, не вмещающих детективы и любовные романы. В
последние годы под эгидой церкви с размахом празднуются дни славянской
письменности. Не честнее ли назвать их поминками? Ведь грамотность
приближается к дореволюционному уровню. А зачем выше? Читать этикетки?

Москва оклеена рекламой: «Мужчины любят женщин интеллигентных профессий». И
ниже: «приглашаем на работу продавцов и кассиров». Зато физики и лирики
сегодня – «лузеры», а писать сценарии к рекламным роликам почётнее, чем
изучать сценарий рождения Вселенной. В России, как в Царствии небесном,
последние стали первыми. Во власти – троечники, с грехом пополам
закончившие начальную школу. Зато неквалифицированные рабочие – самые
образованные в мире. В 90-е армию дворников и грузчиков пополнили научные
сотрудники. А в «нулевые» появились расклеяшки объявлений и торговцы со
знанием нескольких языков и университетским дипломом в кармане. Слава богу,
институтское распределение осталось в истории проклятого тоталитаризма.

Революции совершаются в умах – вот только не передаются по наследству. И
следующие поколения искренне верят, что им «не додали». А сегодня те, кому
«не додали», доживают в нищете, повторяя, как мантру: «Лишь бы не было
революции...» Анархия – мать олигархии! Современная Россия – это милиция,
которая не ловит преступников, врачи, которые не лечат, власть, которая не
управляет. И народ, который безмолвствует. Тем, у кого постоянная
регистрация в Кремле, нечего бояться. Их не задавит на тротуаре дочка главы
избиркома, не «зарезет» неумелый хирург и не расстреляет Евсюков. А
остальные стерпят, глотая, как транквилизаторы, фильмы о пьяной матросне и
благородных крепостниках. «Уровниловка» страшнее чумы, при этом слове
трепещут все: и те, кто проводят жизнь в гонке за лишней тысячей баксов, и
те, кто старятся, перекладывая бумажки в офисе, и те, кто спиваются без
работы и семьи.

Вымирайте с миром! Лишь бы не было революции!

Примечания

1

Последователи Иосифа Волоцкого для сохранения своего авторитета в конце XV
века пошли на сделку с московскими князьями, став опорой самодержавию,
уничтожив заволжских старцев Нила Сорского, призывавшего к невмешательству
в мирские дела.

2

«Демократия – для демократов!» – написано на знаменах её современных
миссионеров в Ираке, Афганистане, Сербии, странах Африки и Южной Америки.

3

А когда у здорового индивида возникает естественное отторжение, в ход
пускается «аргумент»: «Не нравится – выключи!», который сродни «Грязный
воздух – не дыши!».

Эмиграционные квоты и жесточайший визовый режим, до сих пор сохраняющийся в США, разве это не аналог закрытых границ?

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!